

Валерий Байдин

сва

роман

Валерий Байдин

Сва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050541

Сва Роман:

ISBN 978-5-91627-097-6

Аннотация

Валерий Байдин – прозаик, культуролог. Родился в Москве, был близок к движению хиппи и религиозному подполью, под давлением властей исключён из аспирантуры МГУ, уволен из Института Искусствознания. В начале 1990-х годов покинул Россию, учился в Швейцарии и Франции, защитил докторскую диссертацию по русскому авангарду, преподавал и читал лекции в университетах Нанси, Нормандии, в Сорбонне. Автор полутора сотен научных статей и эссе о русской художественной культуре, монографии «L'archaïsme dans l'avant-garde russe. 1905–1945», стихотворного сборника «Patrie sans frontières». Живёт во Франции и в России.

Содержание

а. Люблю – живи!	4
б. Парадняк	21
с. Лави	55
д. Нот	94
е. Дом на Яузе	109
ф. Душа в свободном падении	116
г. Гнилой флэт	143
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Валерий Байдин

Сва Роман

а. Люблю – живи!

Конец.

Или нет... Я плохо умер. Неправильно умер. И опять живу. И опять всё будет, как раньше. Поэтому такая мука... Нет, не живу, непохоже на жизнь. Что-то длится, ни на что не похожее. Не-вы-но-си-мое. Тьма дрожит вокруг. Затопляет. Да-авит .....

.....
Только не дышать... Больно... А-а-а-у-о-о!!.....

.....
Почему так? Не смог жить, не смог умереть. И теперь меня несёт куда-то под землю. Навсегда-а-а-а! .....

.....Понял: это ПРЕ-ИЗ-ПОД-НЯЯ! Нет корня. Тут слова исчезают. Я ис-че-за-ю...
Всё ис-че.....

Тело сотрясается от ударов, проваливается в чёрную пустоту. В уши врывается грохот и воющий рёв. Летят мимо, кричат железными голосами невидимые птицы. Пронзительно! Немыслимая сила влечёт в немыслимое пространство. Нельзя остановить движение, невозможно открыть глаза. Страшно что-то понять. Сталкиваются груды металла, лавиной катится рядом железный, каменный гром. Шипят и плавятся стенки, через веки хлещут по глазам жёсткие огни. Грудь и рот распирает от ледяного ветра. Это оборвавшийся лифт! Сейчас будет последний удар, лопнет голова, и я стану пылью.

Кровь ледяными пузырьками пенится в венах. Голову и тело давит, плющит, в жгут сворачивает ужас. Много раз начинается это падение в смерть, и мучительная дрожь занимается у сердца. Но конца нет и нет. И тут он догадывается, что его не будет. Будет лишь непрерывное умирание, бесконечный конец.

– Она придумала для меня эту смертожизнь. Чтобы мучить. Отродье дьявольское. Превратилась в железную сороконожку и проглотила. И уносит в подземную нору. Дрожит, извивается членистым телом. Тащит и на бегу переваривает. Потому так смердит вокруг и горит кожа. Опустит! А-а-а-а... Нет, это хрипит другой. Не я. Это его поймали. А мне надо

вспомнить самое важное, бесценное, что мелькнуло в жизни. Да, тот золотисто-зелёный свет! Тогда, в детстве. Когда я знал, что есть Бог.

Скорчившись поверх кровати, каменея от кипящей боли в голове, он шевельнулся, открыл глаза. С недоумением увидел за окном опостылевший угол грязно-розового кирпичного дома, облупленный карниз и вершину дерева. Значит, всё осталось прежним. Он опять в своей комнате. На своей кровати. Опять видит всё, что ненавидит. Ненавидит всё, что видит.

Из двора доносились тошнотные звуки – урчание запаркованного автомобиля, крики на детской площадке, гул и рёв далёкого проспекта. А в комнате и квартире всё как цементом было схвачено тишиной. Сил едва хватило, чтобы встать, взять со стола и допить, клацая зубами, стакан воды, стянуть с себя вонючую куртку, сбросить ботинки и заползти под одеяло. В голове вздувались и кипели тяжелые чёрные пузыри. Тело исходило ядами прошлой, обманом вернувшейся жизни. Изнывало, избывало, изнемогало, изводилось, изматывалось, измождалось, изнурялось, иссушалось, изгрызалось отвратной, неотвратимой болью...

В голове крутилось единственное слово: «ужас». Оттого он и проснулся. Нельзя от него избавиться, можно только стонать, кусать губы, прижиматься лбом к стене, метаться на кровати. Каплей яда оно движется по телу и убивает клетку за клеткой. Нет сна. Раскаляется и гаснет, тлеет, истлевает

мозг. Ужасает себя, угасает. Когда всё кончится? Сгорит в мозгу, испарится? Лишь бы не проникло в душу – тогда наступит настоящая смерть. Вчера отступила, а сегодня наступит. Осталась лишь горсть последних слов. Надо повторять их, чтобы не умереть:

– Смертельный ужас. Ужас охватывал. Охватывал душу. Всё сильнее. Всё сильнее смертельный ужас. Всё сильнее смертельный ужас охватывал. Всё сильнее смертельный ужас охватывал душу. Смертельный ужас охватывал. Ужас охватывал душу. Охватывал. Душу. Смертельный. Смертельный ужас. Смертельный ужас охватывал всё. Смертельный ужас охватывал всё сильнее. Смертельный ужас охватывал всё сильнее душу. Душу всё сильнее. Всё сильнее ужас. Сильнее ужас. Сильнее... всюжас... охватнее... вал... всё...

Мысли осели в голове свинцовой пылью, и он надолго забылся. Несколько раз пытался проснуться, но не мог пере-силить давящей толщи сна и погружался на непроницаемое дно. Ночь и день неразличимо слились. Не открывая глаз, он жил-нежил и пытался понять, что произошло. Мимо текла черная вода, вспыхивали мутные пятна, скакали цветные точки. Клубился мрак, шумели голоса, бесновались звуки. В мозгу билось непонятное слово дьявь:

– Я уже был за гранью, видел её. Падал во тьму, и тьма летела навстречу. Ей не было ни меры, ни конца. И тут появилась эта девушка. Что-то сделала, крикнула, и всё изменилось. Невозможно вспомнить. Откуда она взялась? Что кри-

чала? Вот, мелькнуло. Или кажется... На щеке тепло мягкой щеки. Мы куда-то ехали, шли, а потом она исчезла. И теперь я один, загибаюсь в своей могильной постели. Нет, я крезанулся. Не было никого. Это всё бред, бред...

Голова ударилась о стену у кровати, и он со стоном повалился на подушку:

– Марр-а-а-зм!

В гулком, сумрачном пространстве женский голосок настаивал:

– Идём отсюда! Скорее, ну! Ты тут загнёшься, понимаешь? Идём, не бойся меня!

Кто-то гладил его по лицу и волосам, потом неведомые руки ухватили за плечи и потащили. Шатаясь, они спускались по лестнице, обнимались, приваливаясь на поворотах к стенам. Каждый её поцелуй был вдохом – глубоко под водой. Жизнь возвращалась, вновь отступала. И у лица начинала метаться горячая тьма. Он обливался потом, сползал по стене вниз. Рука снова скользила по лбу, по волосам:

– Дыши, дыши! Умница. Ещё! Теперь пошли, потихоньку...

Глотнув ледяного воздуха, он пошатнулся. Из темноты лавиной хлынуло вниз множество сверкающих точек. В затылок тупо ударило.

– А-ай! Ну, как же ты? – голову пытались приподнять. – Больно?

– Давно, – прошептал, чувствуя, как боль заполняет те-

ло...

Ледяная ладонь тёрла виски:

– Вставай! Ну, пожалуйста! – с плачем его тянули в неимоверную даль и высь. – Сил нет! О, Боже!

Тот же голосок издалека звал за собой, умолял о чём-то ничтожном, словно врач, опоздавший к умирающему.

– Да... – соглашался он и не мог произнести ни слова, только дышал – редко, послушно, из последних сил.

Изнемогая, долго поднимался, потом зашатался по горло в тёмной воде, с невероятным трудом пошёл против течения. Берега были в снегу, обоих течением понесло в сторону, и в этот миг сбоку выскочил, затренькал пылающий трамвай, ударил светом по глазам. Это Лилиан попыталась их перерезать.

– Лилиан! Гонится! – в ужасе он рванулся прочь.

– Нет! – вцепились в него руки. – Мы одни! Тебя глючит. Всё хорошо, хорошо.

– Не догнала, – мелькнуло в голове, но от страха исчезли силы, сверху стало наплывать тяжёлое студенистое облако... и он понял, что сейчас исчезнет.

Неужели она спасла его, втащила назад, в эту зимнюю ночь? В чёрном небе танцевали облака. Рука уперлась в снег и заоченела от холода. Снег был под ногами, между деревьями, на скамейке, где они сидели, прижавшись друг к другу.

– Кто ты?

– Неважно... Всё равно ты меня забудешь.

– Ты любишь меня? Да? – он пытался разнять веки, глянуть в её лицо.

– Эх-х... – пальцы откинули ему волосы со лба. – Дурачок ты... Люблю, да. Только живи! Слышишь? Живи!

Он целовал солёную щёку и слушал прерывистое дыхание. Всё вокруг тихо вращалось и звенело. Маленьким мальчиком кружился он в траве и нескончаемо падал.

Серая земля раскачивалась, прыгала под ногами. Они куда-то шли. Долго, долго, долго. Навстречу плыл бесконечный тротуар. Её рука иногда касалась лица, и надо было двигаться, чтобы она не исчезла.

Тёплый душный воздух с силой рвался навстречу... Перед глазами плыло множество ламп... В полупустом вагоне стыли на скамьях, качали головами призраки. Она одна была живая. Чтобы не умереть, он прижимался к её плечу и вдыхал душистый запах – так пахла жизнь. Совсем близко были искрящиеся волосы, а лицо ускользало от взгляда, лишь светился голубой небосвод глаза и на нём сияло черное солнце зрачка.

– Ужас, как тебя обсадили. Глаз открыть не можешь.

– Хорошо с тобой... Кто ты?

– Никто. Просто хочу, чтобы ты жил. Чтобы любил. Сильно-сильно! – звучал спасительный голосок.

– Я... – пытался он ответить и мотал головой, прогоняя тяжёлую тьму:

– Ты любишь? Хоть кого-нибудь?

– Люблю... Она ушла, кряза-нулась... – прикушенные губы не ощутили боли.

– Она вернётся, увидишь.

– Тогда я умру. С ней вместе.

– Что ты несёшь? Любовь – это жизнь.

– Ты другая, из чудесного мира. Где не живут.

– Нет, самая обычная, проще не бывает... – рука опять ласково скользнула по волосам.

– Ты – другая... – замер он. – Тебя легко любить.

– Что ты знаешь обо мне? – она прижалась к его щеке и заплакала. – Я сама гибну. Никто не поможет. Никого нет. Только ты вот встретился. Как увидела... О, Боже! – голос прервался. – Мне нужно выходить! – девушка с силой сжала его руку. – Тебя и оставить нельзя!

Спустя немислимо долгий миг он услышал:

– Ты говорил, тебе до Свиблово. Да? Это по прямой. Доедешь? – она трясла его плечо. – Скажи!

– А ты?

Его перебил голос женоробота:

– Осторожно, двери закрываются!

– Держись! Я... – крик девушки оборвался.

Невероятным усилием он открыл глаза, но в бесконечном вагоне не увидел никого. Пальцами ударился в сомкнувшиеся стёкла, пол под ногами дрогнул и поднялся стеной.

Если прижаться лбом к холодным обоям, боль в голове

слабела. Тогда он пытался вспомнить, как она появилась и как исчезла. Ловил мерцающие проблески, словно искал по-тайной вход в память, в обратное время:

– Неужели она была?

Не закрывая глаз, чтобы не хлынули в голову кошмарные видения, он смотрел в потолок и не мог ничего понять.

– Даже сейчас в ушах этот голос... Нет, реально звучит. Докатился, идиот.

Он сжал лицо рукой. Опять послышалось: невидимые губы шептали те же слова.

– Со мною, правда, что-то случилось... Только потому я живу. А должен был умереть. Проклятье, самое важное забыл! – проносилось в голове. – Самое важное! Сказала «люблю» и исчезла. Та, с которой можно с ума сойти от счастья. Жить, не касаясь наполненных ужасом вещей... Или это Лави тронула меня своей тенью? Вспомнила обо мне в свой крезе. И я не могу её забыть. И жить без неё не могу. Потому и умереть хотел. Да не сумел.

К вечеру тошнота и терзающая боль в голове стали стихать, но от слабости дрожали руки и неудержимо тянулись вниз. Текло из носа, слезились глаза будто началась простуда. Не согревал ни горячий душ, ни спитой чай. Преодолевая отвращение, он заставлял себя через силу пить тёплую жижу. Когда-то слышал, что так лечатся от сильных отравлений. В ушах звенело, перед глазами шаталась комната, мебель плыла между стен, застывала на них плоскими наклей-

ками. Оплавилось, превратилось в тёмный провал окно. В который раз всё вокруг затопила непроницаемая мгла. Он мотнул головой, зарылся под одеяло и безвольно поплыл в чёрной реке.

Извилины мозга были заполнены мраком. Мерзкая дурнота прокатывалась от груди к голове и обратно, вместе с нею колыхалась в сознании муть, страшила, сводила с ума: «Андэр итэрнити, андэр итэрнити, андэр итэрнити...» Одежда прилипла к телу. Он лежит на полу и догадывается, что едет в метро и нужно выходить. Но сначала надо заползти на скамью, привалиться к спинке. Вот, закинулась назад голова. Тускло блестят потолочные лампы. Вокруг ни души, последний рейс... Вцепившись в никелированный поручень, будто сидя у себя на кровати, шатался он в подземном гуле и другой рукой держался за лоб. Голова неживой тяжестью клонилась вниз, в ней собиралась и рассыпалась далёкая, из ниоткуда всплывшая мысль: «Надо... воз... вращать... ся».

Холодел, плыл навстречу воздух, шаги тупо ударяли в онемевший мозг. Сознание включалось и пропадало. И так без конца. Белая башня приближалась мелкими толчками, пошатывалась, росла. Потом стала валиться набок. Мутное облако выплыло из живота, обволокло голову. Он ухватился за бетонный столб, сполз на колени. Долго слушал животные, давящиеся, стонущие звуки и лязганье зубов. Отдышался, поднялся со снега, но тут же тёмный двор, фонарь, деревья косо поплыли мимо, выскочили сбоку чёрные кусты,

сугроб...

Голову и руки сковало холодом. Кто-то лез к нему в грудь, раздвигал рёбра, добирался до сердца, но было не больно, даже удивительно, как легко оно вынулось. Его быстро, играючи, били по щекам, потом крепко вцепились в уши. Поток невыносимого света хлынул в глаза.

– Вставай! Замерзнешь к чёртовой матери. Давай, ну!

– Зачем... вынули?

Его резко дёрнули за руки, подняли с земли и начали рассуждать на два голоса:

– Чё у тебя вынули?

– Щас мы тебе вставим!

– У тебя ничего не было, пропилил всё.

– Где живёшь?

Два полиса злыми детьми висели на руках.

– Там, в башне.

– Возьмём его, што ль?

– А-а, с дерьмом возиться! Пустой он, облёванный. Ключи есть, дойдёт.

Заревела машина, укатила задом наперёд, злобно мигая горящими красными глазками. Трясаясь от холода, он дошёл до подъезда. Пахло рвотой, в голове медленно качался маятник боли. Вошёл в лифт, ткнул кнопку. Теряя сознание, поднялся на этаж, прошёл несколько шагов, выгреб ключи из кармана. Невообразимо долго шёл вдоль стены по прихожей, толкнул дверь своей комнаты и повалился на кровать.

– Лишь бы не умереть... – успел подумать перед тем, как на голову мягко рухнул потолок.

По тёмным стенам ползли блики автомобильных фар. В квартирке слышалась тихая старческая возня. Он лежал, временами открывая глаза. Всё тонуло в беспомыслии, в ужасающей пустоте. Звякала посуда на кухне, плескалась вода в мойке, шаркали шаги в коридоре, урчал унитаз. Соседи негромко переговаривались, но ни слова нельзя было разобрать. Потом вместо них заговорили, запели другие голоса.

– Ящик смотрят...

Шатаясь от слабости, он прошёл по комнате, открыл окно и навалился на подоконник. Холодящий, влажный, уже не зимний воздух показался непохожим на городской. Так много было в нём нужных для жизни запахов – оттаявшей земли, прелой листвы, мокрой коры, отсыревших кирпичных стен. Вспыхивали и гасли прямоугольники окон в соседних домах. Жёлтые, розовые, оранжевые, белые... Плоское небо висело чуть подсвеченным рыхлым пологом. На далёком проспекте по-звериному рычали автомобили, а в нижнем углу окна лениво мигал жёлтый глазок светофора. Он давно закоченел, но не хотел уходить. До головокружения вдыхал ночную оттепель – первую, пронзительную, так похожую на чужую весну, пришедшую из другого города, к другим людям. Птица бесшумной тенью мелькнула между домами. Было странно, что птицы летают по ночам.

Опять вспомнилось, как на улице его с силой понесло во

тью, будто остуился у края бездны. Но она вытянула его.

– Вернула меня сюда. В эту самую комнату, к этому подоконнику, к тому же вопросу: «Зачем всё это?»

Он закрыл окно и сел на кровать, прислонился к стене.

– Выжил, а она будто умерла... Но зачем мне жизнь, из которой надо опять искать какой-то выход? Появилась и пропала. Нет ни имени, ни телефона. Даже лица её не помню. Только руки. Нежные... Тоска, не вынесу один! Если бы Лави вернулась. Если бы мы опять с ней встретились. Или с той незнакомкой. Нет, мне всё приглючилось. Именно... Остаётся по полной крезануться, стать человеческой тенью, сдаться халатам, истлеть среди больничных простыней.

Шумно повернувшись на кровати, он уставился в потолок, подсвеченный ночной улицей:

– Почему тогда в ушах этот голос, эти слова? Откуда они? Лави не могла так сказать, она на мраке шизанулась. Лилиан тем более...

Он бессмысленно вглядывался в тёмную комнатную высь и всё сильнее чувствовал слабую, робкую боль. Что-то трепетало близко от сердца, отчего нельзя было вздохнуть:

– Пусть я съеду на этом призраке. Непоправимо... Пусть, так лучше! Лучше, чем опять кинуться. А вдруг она есть? Где-то живёт? Ну, вдруг!? О, Господи...

Это был сон во сне, явь во сне, сон наяву. Около полуночи в дверь позвонила Лилиан, крикнула снаружи:

– Открой!

Он выпрыгнул из кровати, отскочил к шкафу и оцепенел от страха – опять марево последних дней надвинулось со всех сторон.

– Сгинь, – прошептал и услышал в прихожей телефонный звонок.

Было ясно – по телефону звонила тоже она. Дрожа всем телом, он вышел в темноту спящей квартиры, проверил входной замок, поднял трубку, чтобы удостовериться, и тут же бросил... Телефон трезвонил больше минуты. С колотящимся сердцем, не открывая глаз, сидел он рядом, кусал костяшки пальцев и слушал сводившие с ума звонки. Лилиан знала, что долго он не выдержит. Одна за другой вспыхивали мысли:

– Сейчас проснутся соседи. – Всё равно не буду отвечать. – Она хочет мне что-то важное сказать. – Нет, она охотится за мной. – С ней самой что-то случилось. – Не хочу знать. – Если позвонила, позвонит ещё. Лучше сразу ответить и навсегда порвать с нею, со всем, что было. Да, именно!

Выдохнул, преодолевая дрожь, поднял трубку и резко спросил:

– Зачем звонишь?

– Здравствуй... – пауза длилась нестерпимо долго. – Знаю, ты не хочешь со мною говорить, не хочешь меня видеть, – голос Лилиан плыл как у пьяной.

– ...

– Рада, что ты уже в норме.

– Не очень, тебе какое дело.

– Очень у нас не бывает... Она увела тебя, эта красотка.

– Она спасла меня. Кто она? Скажи!

– Ну, нет. Чего захотел. Странно, что она у тебя не в постели. Это ведь опытная шлюха, – медленно, ласково выговорила Лилиан.

– А кто тогда ты? Она в метро пропала. Дай мне её телефон!

– Ни за что. Значит, оклемался... Но если бы ты не жрал водяру, как зомби, и не сбежал от меня, всё было бы иначе, без ломки и ужасов, как в первый раз, помнишь? Помнишь?!

– Нет, и не желаю! Я не за тем к тебе приходил... Хотел со всем покончить. И с тобой и с этой жизнью.

– Жалеешь, что обломилось?

– Не жалею. Пусть всё будет, как есть.

– Глупый, ты живёшь, но в твоей жизни ничего не изменилось. И никогда не изменится. Что, ещё не настрадался? – было слышно, как она дышала в трубку. – Ты ведь опять придёшь. Чтобы уйти вместе, насовсем.

– Ты... Не приду, нет. И не думай!

– Значит, любви ищешь. Хочешь ещё боли? Крепкий мэн оказался. Но этой боли ты не выдержишь. Среди зверей живут звери, а ты не такой.

– Я повешу трубку.

– Ладно, не буду. Ты сам выбрал себе казнь.

Он не ответил, собираясь с силами, чтобы бросить трубку.

Мучила жутковатая дрожь, будто ему позвонили из ада. Она, видно, почувствовала и перешла на быстрый шёпот:

– Я хотела дать тебе то, на что не способна обычная женщина...

– Бред.

– ...почувствовать экстаз, освободить от страха смерти, помочь прожить дотла эту поганую жизнь – пока желание жить не иссякнет! Это удел немногих, одиноких душ. Ты сам к этому шёл. Я видела, знаю людей, поверь. Но ты решил вернуться, в стадо. Я звоню, чтобы проститься. Я уйду одна, рано или поздно. Уже решила.

– Крышняк трещит. Не замечаешь – совсем шизанулась?

– Я... не обижаюсь на тебя. Моё знание тебе недоступно. Оно невыносимо. Это знание истины, которой все боятся. Но ничего, кроме смерти, в мире нет и не будет... Не бойся хэша, милый. Не бойся уйти, когда всё надоест. Только так можно хоть немного пожить, пока не услышишь зов. Я услышала.

– Лириан! – он беспомощно забормотал: – Это ты от отчаяния. Не надо! Ты умная, так много знаешь. Ты другим поможешь...

Он вспомнил о Лави, но услышал в трубке сухой, ломкий смех:

– Бедный, ты ничего-ничего не понял. Даже сейчас. Это тебя Бог пока хранит. Не знаю для чего. Прощай!

В уши горячным пульсом били гудки, отзывались в моз-

гу. Бесчувственно застыла рука, с нею срослась раскалённая трубка. Он сидел в тёмной прихожей не в силах пошевелиться, лишь когда за дверью нудно закашлял во сне сосед, смог оторвать от пылающего уха телефон и, словно лунатик, вернуться к себе.

– Такая жуть из неё прёт. Зачем звонила? Проверяла насчёт ломки? Думала опять приманить? На жалость давила? Неужели она верит в Бога? Нет, конечно, это же ведьма... Хотела разузнать про свою знакомую, с которой я сбежал? Постой, значит, она была? Была?! – зазвенело в ушах: – Была... Была, есть. Но где? Теперь её не найти. Для меня она не существует. Существует не для меня.

К утру головная боль превратилась в слабый гул, похожий на привычный городской шум. Теперь, когда отхлынули волны кошмаров, он начал, наконец, понимать, что произошло. Если бы можно было стереть свою недавнюю жизнь, вычеркнуть из неё всех встреченных уродов. И даже бывших фрэндов не вспоминать. Хотя нет, были среди них настоящие друзья. И совсем невозможно было забыть Лави, её отравленную безумием любовь. Жизнь вернулась, ухватилась за ниточку из нескольких слов и поцелуев. А кто спасёт её?

Вмиг ожили золотисто-карие сумерки любимых, горьких глаз. И тут же всплыли, затопили его маленькую комнату и сжавшуюся от боли память события минувших месяцев, с того самого дня, когда он познакомился с московской системой и народом из парадняка.

в. Парадняк

Терял последние листья и остатки тепла дождливый ветреный октябрь. Кое-где на стенах домов предвестием тоскливого ненастья уже появились до тошноты знакомые плакатные лица вождей и плечистые люди, идущие в ногу к непостижимо близкому счастью.

Именно тогда в один из вечеров он столкнулся в метро с бывшим одноклассником, симпатичным балбесом из давно забытых школьных лет. Лицо и фигура длинного тощего парня в потёртых джинсах и жёлтой вельветовой куртке промелькнули в толпе, но показались знакомы. Уже из-за спины донёсся окрик:

– Старик! Не узнаёшь? – с лёгкой усмешкой парень добавил. – Забыл наш десятый класс? Я – Вадик. Помнишь такого?

После рукопожатия они прошли в людском потоке несколько шагов и надолго застыли посередине «Кропоткинской», вспоминая бывших друзей и далёкую, смехотворно наивную прежнюю жизнь.

– Значит, студнем стал, – Вадик резко сменил тему. – А где тусуешься?

– То есть?

– Значит, нигде. Я правильно понял? – покровительственно навис школьный приятель. – Тогда двинули в наш парад-

няк! Тут рядом. Время есть? Кайфанём ради встречи, я тебя с пиплом познакомлю, с герлухами клёвыми. Не жмись, вижу, что хочешь. Покамали!

На улице Вадик оглядел его и поморщился:

– Прикид у тебя, не обижайся, – совок голимый. Но это можно поправить. Зато рост и фейс как надо. И хайр классный. Сами вьются или помогаешь? – усмехнулся и подмигнул.

– Забыл что ли? Они у меня всегда такие были.

– Короче, запомни, ты мой фрэнд. Всё будет о'кей! На тусовке... – он снисходительно прервался. – А, может, ты и про хиппов ничего не слышал?

– Слышал.

– Но видел только издалека, йес? И наш спич, я вижу, сходу не рубишь.

– Ну-у, понять можно...

– Ладно, въедешь по ходу дела. Ты в скуле, помню, на инглише ток неплохо давил. Кстати, в тусовке меня зовут Дик. У нас у всех там системные имена. И у тебя будет, – с этими словами он вошёл в магазин и жестом поманил за собой: – Надо бы вайна для начала взять, пару батлов.

– У вас что праздник сегодня?

– Отчасти, да, – усмехнулся Дик. – У нас в парадняке всегда так, хоть там и фуфлово. Но больше деться некуда, особенно в холода. На флэтах тусовки другие и почти всегда в напряг – то с пэрэнсами, то с соседями.

Скинулись и купили молдавского портвейна. Через несколько минут вошли в подъезд старого дома недалеко от бульвара и оказались во вместительном парадном, освещённом голой тусклой лампочкой. От сырости мелкими известковыми цветами коробились крашенные в зелень стены. Полуразбитые кафелины пола с дореволюционными узорами были стёрты тысячами ног.

– Хэй ю пипл! – приветственно крикнул Дик и подтолкнул его вперёд. – Это мой фрэнд. Ещё от скуловых времён. И вообще классный мэн.

На них разом оглянулось с десятков внимательных, улыбающихся, равнодушных, грустных лиц. Но одна пара так и не разомкнула долгого поцелуя. Девушек было больше.

– Хай! – рыжий крепкий парень с тёмной лентой на лбу осмотрел его с ног до головы и протянул руку. – Тебя как в системе кличут?

Он пожал плечами и слегка покраснел:

– Никак, я...

– Уот из ю нэйм? – сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха, пропищала из угла блондинка в яркой накидке со множеством блестящих пуговиц и нашивок.

Он продолжал оглядываться и глупо молчать. Невысокая девушка в куртке-балахоне с пуховой оторочкой и вплетёнными в волосы цветными нитями неожиданно подошла, положила руку на его плечо и дыхла сигаретным дымком:

– Скажи, как тебя зовут? Ну, просто... твоё детское имя.

– Сева, – так же тихо ответил, цепенея от её прикосновения.

– Забудь! – девушка повелительно улыбнулась, сияющие, чуть расширенные зрачки золотисто-карих глаз сразу врезались в память. – Тебя зовут... Сва.

Она обернулась ко всем:

– Народ, ай ю презент! Это Сва!

– Клёво... – рыжий переглянулся с нею.

– А всё же, отглаголь для начала, ты кто? – донёсся девичий голос из глубины подъезда.

– Теперь неважно, он в нашей тусовке, – девушка отошла в сторону, и он понял, что её здесь слушают.

– О'кей, Сва! – парень дружески хлопнул его по плечу. – С тебя батл.

– Оф корс, – сзади возник Дик и вытащил из сумки портвейн. – Всё в полном райте.

– Тогда, летс дринк. Меня зовут Бор.

– Лучше скажи, Перебор, – смеясь, оттолкнула его румяная толстушка в хитро связанной кофте и звякнула забавными пластмассовыми бусами. – Я – Точка.

– Глори, – другая, с крупными грустными глазами, чуть коснулась щекой его лица.

«Красивое имя», – отметил Сва.

После этого все потянулись к нему с рукопожатиями, а девушки – с беглыми поцелуями, лукавыми, улыбающимися, оценивающими взглядами.

– Муазель, – чмокнула в подбородок красивая блондинка.

– А я – Ни-Ни, – сделала в воздухе кокетливый жест ещё одна, с аккуратным личиком, и скользнула губами по щёке.

– Этого мэна зовут Откол, – как можно серьёзнее произнесла Муазель, давась от смеха.

– Не, я просто Коля, – театрально сложился надвое парень с подвижным лицом и завораживающе ясными глазами.

– Потоп. Или Потап, между прочим, – тряхнул руку ещё один, с горбатым клоунским носом.

– Данетт.

– Да или нет? – не выдержал Сва.

– Посмотрим... ты не первый, кто спрашивает, – усмехнулась, тряхнула кудрями миловидная девчушка.

– Мади, – загадочно произнесла брюнетка с длинными ресницами и сразу отошла в сторону.

Она была старше остальных и единственная подкрашивала губы.

Эти прозвища и лица Сва запомнил смутно. Стоял в глазах и тянул к себе лишь один лик – той, которая первой его поцеловала. Позже всех к нему подошёл невысокий розовощёкий паренёк похожий на студента и одетый так же скучно, как и он сам. Пушистая бородёнка едва скрывала пухлые губы и нетвёрдую, ускользающую улыбку:

– Юра, – задумчиво представился, глянул серьёзно, с явным дружелюбием.

– Не слушай, это Нот! Он на любой музыке, на каждой

ноте сходу заворачивается, – произнесла, опять приблизившись, та самая девушка.

– Вовсе не на любой, – мягко возразил паренёк.

– Нот ту бэд, – не думая, произнёс Сва, тряхнул ему руку, глянул на девушку и смущённо вымолвил: – А как же... тебя зовут?

– Лави, – прищурилась она и чуть откинула голову.

От её взгляда вспыхнули щёки, теплая волна дошла до самых ног.

– А теперь немного кайфа для лайфа! – изобразив с помощью ладони поднос пьяного официанта, Откол, шатаясь, пошёл по подъезду сразу с двумя открытыми бутылками.

Пили по очереди. Бор, теперь уже в чёрной широкополой шляпе, играл на гитаре что-то из битловского «Трудного дня», но его английский невозможно было понять. Свет маленькой лампочки под потолком начал золотиться и расплываться мелкими лучами. Сва сидел вместе со всеми у стены на сложенных картонных коробках, ёжился от проникающего в спину холода и поглядывал по сторонам. Прокуренный воздух подъезда казался совсем домашним.

– Дай-ка я засингую что-нибудь покруче! – Лави взяла у Бора гитару, и все сразу оживились:

– Файн! Сделай нам «From Me To You», – звучно произнёс Потоп.

Тут же все закричали наперебой:

– «And I Love Her»!

– «Квинов» спой, «Save My»!

– «Somebody To Love», только её!

– Нет, лучше нашу любимую... – умоляла Точка.

Лави, не дожидаясь, пока все затихнут, уверенно начала красивым чуть сиплым голосом: «Yesterday, all my troubles seemed so far away...» Потом без остановки спела «Happy together» и «Роллингов» – «Lady Jane». Две девушки негромко, почти без слов подпевали, остальные курили. Никто не смущался, когда хлопала входная дверь или с лязгом приземлялся лифт и мимо тенями мелькали жильцы. Кто-то недовольно качал головой и глухо бубнил, кто-то поджимал губы, тяжело разглядывал непривычную одежду, странные украшения, длинные волосы, бороды и уходил, махнув рукой:

– Расселись тут, раскурились, распелись! Да, всё не по-нашему! Откуда вы только взялись?

Лица герлиц

На целый месяц прежняя жизнь утонула в сигаретном дыму, из которого каждый день в парадняке возникали всё новые лица и мысли. Три года запойного чтения, литература, искусство, философия, третий курс филфака, сумасбродное студенческое бытие, занятия спортом и даже любовные встречи, в которые он, как в мелкую реку, ненадолго погружался – по пояс, по грудь и никогда с головой, – потеряли

смысл. Входя в знакомый подъезд, Сва задыхался от волнения – так трудно было привыкнуть к новой жизни, неожиданно начавшейся и непохожей на всё, что он знал раньше. Друзья из системы, их броская внешность, понятия и привычки, язык и манера говорить кружили голову. До тихого помешательства доводили девушки, манящие юной отчаянной красотой – столько ласки источали они к нему и ко всем вокруг, что Сва не знал, как себя вести. Лишь одно было грустно: Лави больше не появлялась.

А именно её он жаждал увидеть больше всего, спросить о ней не решался, часто навевался в парадняк, но держался осторожно и упорно ждал дня, когда она придёт.

– Любить всех, дарить себя друг другу, как цветы, – это так просто! А иначе зачем юность, зачем жить? – звучали в ушах чьи-то нежные, чуть лукавые слова.

И было неважно, чьи. Пожалуй, любая из девушек могла повторить их, обвиваясь руками вокруг шеи и делая кис. Ночами, после каждой тусовки, когда в парадняке собирался незнакомый народ, либо они сами всей компанией шли куда-нибудь на стрит, Сва метался в полусне. От голодных смесей вина и сигарет нестерпимо горело нутро. На щеках таяли следы поцелуев, в ушах звучал английский рок и несуразный, забавный и привязчивый хипповый сленг, который он называл для себя «иноязыком». Но самым неожиданным оказалось чувство неведомой ранее свободы. Пусть это была свобода лишь среди своих.

– Совок – это не только страна такая убогая, это система, которая всё душит, – объяснял Дик. – Чтобы выжить, надо вписаться в другую систему, и лучше нашей ты не найдёшь. Здесь полная воля и кайф вместо тоски и всеобщего маразма.

– В самом деле, как я мог так жить – одиночкой, в безликих толпах, между дурдомом и зоопарком? – удивлялся Сва и шёл в парадняк с ожиданием чего-то чудесного, что вот-вот должно было с ним и всеми остальными произойти.

– Вдумайся, что это за судьба? – как-то разгорячилась Муазель, прижавшись к нему плечом: – Родиться, прожить и умереть среди вечных строек и помоек, в домах-уродинах, от которых даже работяг тошнит! Почему всех в совдепии так низко опустили? Я, например, в Италии хочу жить. Там моя настоящая родина, в Европе, в Штатах, но не здесь!

Так думали все вокруг. В парадняке друг друга понимали с полуслова, он казался островком хипповой системы – плавающего архипелага среди враждебного моря, в пучинах которого обитали утопленники утопии, целый утонувший народ. Но более всего угнетало отсутствие денег, а вовсе не полисы или очередной пленум компартии. Прайс, сольди, мани означали для одних желанную свободу, для других нечто более земное. Их искали, аскали, зарабатывали, как умели.

– Старик, если ты ещё не выбрал между кайфом и отстойным ворком, крутись, как знаешь. Жизнь в системе тоже требует жертв, – однажды принялся его вразумлять незнако-

мый мэ́н, забредший в парадняк с батлом водки. – С пэрэн-сов много не состругаешь, а на одну стипуху ты через неделю стухнешь. Мэйк мани. Кто шмотки по тихому толкает, кто дурцой пробавляется, кто вкалывает по-чёрному. Смотри сам... А то могу скантовать тебя с одним конкретным чув-ваком.

Из уважения к его длинному спутанному хайру, Сва рас-терянно улыбался, но дальше пары глотков дело не пошло. Тот покрутился по парадняку и медленно, вразвалку вышел. Весь остаток вечера Сва переглядывался с Данетт, оценивая её внезапный жест. Выбрав момент, она подошла к Сва, при-жалась к щеке и прошептала, кося глазами в сторону незна-комца:

– Вяжи с этим по-быстрому. Стрёмный он. Верняк, поли-сам стучит или на гэбуху горбатится.

Несколько дней он с досадой думал об этом типе, привы-кая к мысли, что среди хиппов тоже есть стукачи. Как и по всей стране.

– Обойдусь без таких помощников, что-нибудь придумаю. Мне много не надо. Главное – избавиться от этого цивиль-ного прикида.

Накануне Дик, как нарочно, заявил ему при всех:

– Ты больше месяца с нами тусуешься, а ходишь как сту-день. Пора поднапрячься, клоуз слегка сменить! Не дума-ешь?

Сва задохнулся от обиды, – и это говорил его друг! – по-

краснел и быстро, ни с кем не простясь, пошёл к выходу. Дик нагнал его уже на улице:

– Старый, ты чё? Даже не дослушал. У меня с собой точно для тебя отвальный куртон есть. Ношенный, конечно, но – класс. Давай куда-нибудь заскочим. Только лукни – сходу зависнешь, – он почти насильно затянул Сва в ближайший подъезд и достал из сумки чёрную вельветовую куртку с кожаной отделкой. – Тебе прямо в сайз! С зиперами, с накладками клёвыми. За стольник отдаю, без наvara, как фрэндю. Такой мазы потом долго не будет.

Унижение медленно проходило, Сва колебался:

– Я бы взял, но деньги только завтра будут, к вечеру. Надо у родичей полтинник подзанять.

– Бери, не чеши репу! – Дик протянул куртку. – Кстати, могу для тебя джины достать. Новые тоже за стольник, а так – за полпрайса. Ты как?

– Надо бы взять, конечно... Но пока не могу. Спасибо, Вадик.

– Лучше – Дик. У тебя всегда проблема сольди, да?

– А как ты догадался? – усмехнулся Сва.

– Легко... – он кислоvато хмыкнул: – Всем пиплам житуха в напряг, все нулевые ходят. Откуда у нас прайс? Мой совет, тряси пэрэнсов плотнее, чтобы на клоуз хватило.

– Они обещали в подарок к Новому году отсыпать немного. Не раньше. У них даже на еду толком не хватает, за кооператив расплачиваются.

– Дави на них, пусть не жмутся! А этот прикид попробуй в комок толкнуть, – он небрежно ткнул пальцем в его почти новое осеннее пальто.

Дик вёл себя непонятно – то по-хамски, то вполне приятельски. Как и обещал, вскоре достал за полсотни неплохие джины, а еще через неделю недорого продал в долг почти ношенные тяжёлые шузы. Отстирать, отчистить, зашить всё это было не так уж трудно. Отныне Сва носил с тайной гордостью и уже не снимая настоящий хипповый прикид. В тусовке он стал неотличим от других. Оставалось лишь расплатиться с долгами. «Не новое, но файновое», – не выходила из головы любимая поговорка Дика. Теперь прежняя одежда Сва – костюм и пальто, подаренные родителями после поступления в университет, – годилась только для экзаменов и редких поездок к ним в гости.

Купить или достать фирму́ в парадняке мог далеко не каждый. Но негласный парад хипповой моды происходил там постоянно. Мэны поражали дерзостью и богемной выдумкой, для прикола могли явиться то в тщательно подобранных старинных обносках, то в живописном рванье, то в неведомо откуда взявшихся потрёпанных театральных костюмах... Герлицы исхитрялись, как могли, перешивали и перекрашивали для себя и своих френдов угрюмую цивильную одежду, из невзрачных тряпок создавали нечто кайфовое, со вкусом подбирали ткани и гнали самошток – вельветовые трузера, блейзеры, бархатные платья, расшивали их тесьмой и бисе-

ром, вязали свитера, накидки, шарфы улётных цветов и рисунков, кокетничали попиленными и вышитыми джинами, яркими повязками и невообразимыми шляпами, плели хайратники, бусы и браслеты, мастерили ксивники и бесчисленные шизовые феньки...

Однажды вечером Сва пришёл в парадняк прямиком из библиотеки с отцовским кожаным портфелем полным книг.

– Что это у тебя за глюковина? – прыснула Мади, и все вокруг расхохотались.

– Наследство от дедушки, – нашёлся Сва, но ощутил лёгкий досадный жар.

– Да, приколы. И букварей у тебя там! На всех нас хватит, – улыбнулась Глори и подмигнула, что значило: «Не вянь, смейся с нами!»

– Восемь батлов поместится, – оценивающе глянул Бор и почесал в затылке.

– Дай поносить! – тут же подскочил Откол.

Изображая крезанутого профессора и тараша глаза по сторонам, он аршинными шагами прошёлся по спирали, потом завертелся в центре, прижимая портфель к груди и картаво выкрикивая:

– Учиться, товарищи! Учиться! И ещё много-много раз – учиться! – подождал, пока стихнет смех, и замычал голосом кретина: – Экзамены сдают и принимают в дурдоме. Вместе с анализами...

Книги вывалились на пол, Сва схватился за голову и ри-

нулся к Отколу.

– Караул! – истошно заорал тот и, бросив портфель, в театральном ужасе взбежал по лестнице на целый пролёт.

То краснея, то бледнея от всеобщего смеха, Сва молча собрал книги, обтёр каждую носовым платком, бросил его в угол и удалился, ни на кого не глядя. На улице его нагнал Нот:

– Не бери в голову! Обычная проверка на прочность. Они не придурки, но подколоть любят, особенно новичков. Молодец, всё правильно сделал. Теперь ты – свой, увидишь.

В ответ Сва скривился в угрюмой ухмылке и промолчал. Через десяток шагов остановился, вздохнул и пожал Ноту руку:

– Если бы не ты, я бы в парадняк вряд ли вернулся.

Среди пиплов он после этого действительно стал совсем своим. На следующий день герлицы с улыбками заглядывали ему в глаза и наперебой тянулись сделать кис, парни дружелюбно жали руку, а Откол, как ни в чём не бывало, протянул крошечную шоколадку:

– Для милых бородатых дам, другим не дам! – и тут же вытащил бутылку рэда, подмигивая: – Давай на двоих, а?

Пили все вместе, но к шоколадке Сва не притронулся. Тогда Глори, взяв её в губы, заставила его откусить половинку и закончить поцелуем. Кружилась голова, в груди теплело от вина и ещё больше от рассеянной в воздухе девичьей нежности.

А дома одолевала грусть. Лави напрочь исчезла из парадняка. Лишь раз Сва случайно, глупо разминулся с нею из-за учебных дел. На следующий день Точка передала ему от неё привет, усмехнулась, но больше ничего не сказала. И он разволновался.

– Ты что, правда, на Лави завис? – ухмыльнулся Дик. – Все герлухи уверены.

– Ну, не больше, чем остальные, – отмахнулся Сва. – Сингует она классно. И вообще... Говорят, привет мне вчера передавала. А сама почти не появляется. Странная немного, тебе не кажется?

– Лави классная герла – факт! Но глючная и к тому же флэтовая. Её фрэндихи сами не знают, когда она сюда прикамает, – втолковывал Дик и многозначительно щурил глаз. – Чего ты удивляешься? У неё свои флэта, свои дела, свои лавера...

После этих слов Сва охватила тоска. Влекущие, с тревожными скорбными тенями глаза Лави, их первая встреча, её поцелуй и песни опять, обжигая, ринулись из памяти. Он боялся представить, что будет, если увидит её вновь. Ведь дальше, он-то себя знал, неотвратимо начиналась любовь. И потому изнывал: если у неё есть кто-то, зачем передавать ему привет? А может, Дик, как обычно, привирает? Лучше наплевать на его ухмылки, стиснуть сердце, как в ожидании боли или неведомого счастья. Сва хмуро пожал рыхлую ладонь приятеля, издалека махнул всем рукой и поехал домой.

Приближалась безнадёжно долгая зима, и вместе с последними листьями исчезало радостное удивление, в котором прошли почти два месяца. Оказалось, что в хипповом радужном мире ему не хватало главного. Ни клёвый прикид, ни легко освоенный сленг, ни пробившаяся каштановая борода, о которой герлицы наговорили ему столько всяких слов, мало что изменили. Каждый день видеть их целующихся то с одним, то с другим становилось неспособно. Без особого сожаления Сва соглашался быть чудаковатым одиночкой, уходил ото всех в любимый угол, мрачно сутулился, и никто не разглядел бы, как, прикрыв глаза и ошалело куря, он задышался от гложущей тоски:

– Неужели они спокойно становятся общими для всей тусовки? И такая жизнь им катит? Или мне это кажется? Если так, они просто ничего не чувствуют. Говорят о любви ко всем на свете, а любить-то они могут? Или не дано?

Ни алкоголь, ни сигареты не помогали унять мелкую поганую дрожь. Сердце колотилось, разгонялась по телу пьяная тяжесть, и он готов был бежать куда угодно, лишь бы прекратилась эта тихая горячка. Не было ничего наивнее, чем искать в парадняке что-то настоящее. Обниматься с одной, затем с другой, потом тащить её в постель – и так со всеми, по кругу? А дальше? Лучше уж забить и на парадняк и на весь пипл. Но он знал, что уйдёт из системы лишь навсегда. А идти было некуда и не к кому. Девушки хмуро поглядывали на него и явно считали шизиком, полностью задвинутым на

Лави. Как ни пытался Сва сойтись с какой-то из них, чтобы немного развеять тоску, ничего не получалось. Напрасно то с Данетт, то с Мади, то с Глори пытался он говорить о Бергмане, Феллини, Тарковском, битниках, Керуаке, Гессе, Булгакове, о любимых рок-группах и так далее. От него явно ждали другого. Быть может, они тоже искали родную душу, стремились вовсе не к хипповой фри-лав? Сва чувствовал, как от мимолётной, дружеской нежности в их глазах возникало лёгкое безумие, и учился каменеть в ответ.

Ни к кому, кроме Лави, его не влѣкло, не могло влечь. Встретиться с нею он мечтал до одержимости, безнадежно пытался о ней забыть и в мельчайших подробностях вспоминал манящие глаза, лицо, фигуру, голос. Ради того, чтобы увидеть её, мотался по разным тусовкам и каждый вечер хоть ненадолго заглядывал в парадняк. Сва почти не ездил на факультет и в библиотеку, но и оставаться дома, непрерывно думая о ней, был не в силах. Он всё больше утверждался в мысли: Лави вовсе не тусовочная герла, как остальные. Она настоящая, и потому отовсюду свалила. Не раз в минуты отчаяния Сва готовился одним болевым рывком расстаться с системой и погрузиться в мир одиночек, но останавливало предчувствие: надо терпеть и ждать, Лави когда-нибудь появится.

Дик

Из-за пронизывающего ледяного ветра в тот вечер парадняк был непривычно малолюден. Не было гитары, никто не пел, не смеялся. С полдюжины хиппов толпились в самом тёплом месте, у батареи, курили, без особой охоты глотали ледяной вайн и лениво переговаривались.

Дик, завидев Сва, отвёл его вглубь подъезда, к заколоченной двери чёрного хода, где поворачивали во тьму усыпанные мусором ступеньки и откуда вечно тянуло подозрительной вонью.

– Не хочешь косячок рвануть? Немного опиума для пип-ла. Или религии для народа, как сказал бы отец всех мажоров, – он протянул сигаретку.

– Это что? – догадался Сва и напрягся.

– Это? Травка. Не пробовал ещё? – глаза Дика глубоко-мысленно блеснули.

– А ты пробовал?

– Не смеши! Я два года зависаю.

– М-да? А зачем тебе?

– Да, просто. Чтобы крышу покруче задвинуло. Отрубиться, кусок кайфа поймать. А что?

– Не пойму, зачем такой кайф лично тебе? Ты что, по-другому не умеешь?

– Чего тут понимать, чувачок? Торч много круче вайна.

А жизнь кругом херовая. Нет кайфа в лайфе. Ну, будешь? Если что, потом сочтёмся.

– Нет, я... – Сва заметался взглядом по стенам: – Слушай, у меня с собой портвешок есть. Может, всё-таки дринканём?

– Опять молдавский? Ладно, уговорил, – он неохотно улыбнулся и спрятал сигарету.

Сва пил понемногу, как обычно, Дик жадными глотками, быстро хмелел, хмуро усмехался, выслушивая пустяшные прогоны о жизни, учёбе, последних тусовках. Потом вдруг перебил, хмельно растягивая слова:

– Мне это давно в лом, вот где! – он провёл рукой по горлу.

– А наш парадняк?

– Лабуда это, не врубился ещё?

– Ты же сам меня сюда привёл, – удивился Сва.

– А-а! – отмахнулся Дик и, опираясь спиной о заколоченную дверь, разом прикончил бутылку. – Пошли отсюда, смердит.

Они вернулись в парадняк, но остановились в стороне от остальных. Дик пьяно привалился плечом к стене и с мрачной многозначительностью произнёс:

– После «лета любви» в Калифорнии и Вудстока ничего кайфового в мире не было. И уже не будет. Тем более в совке.

О чём шла речь, Сва имел смутные представления и спросил о другом:

– А по жизни... ты что ищешь?

Вместо ответа Дик ни с того ни с сего начал рассказывать

про какую-то герлу:

– У неё что фейс, что брэст – полный улёт. Хайр классный, бек-сайд – до крезов заносит. Кисанёшься разок и заторчал. Я был от неё в коме недели две, пока она не свинтила. Фрилав давила, я сразу не просёк... – он опустил глаза, но тут же овладел собой и ухмыльнулся: – В системе так, старик! Не жмись особо с герлами. Хочешь, скан-тую тебя с одной чувихой. Сайзы – умат! Можешь клёво к ней пристроиться. А то у нас тут, вообще-то говоря, одна криватень тусуется.

Сва смущённо пожал плечами:

– Я бы не сказал.

– Ну, а чё ты тогда с ними паришься? Повторяю тебе, как фрэнду, забей на Лави и расслабься. Наши при тебе давно кисляк дают.

Сва едва сдержался, чтобы не крикнуть: «О ней при мне молчи! А то фейсану тебе разок, как фрэнду, чтобы не лез не в своё дело!» Но вместо этого вяло отговорился:

– Сначала герлице нужно в глаза хоть немного заглянуть, по душам поговорить.

– Брось эти понты! Душа, или что там у них, у любой герлы сходу открывается вот этим, – он сделал выразительный жест рукой. – Учить тебя что ли?

– Учить чему? Мы не в скуле, я разных девиц повидал. Мне совсем другое нужно, – прервал его Сва.

– Йесенько... – Дик как-то странно усмехнулся. – Значит, ты такой?

– Такой, – он не нашёлся, что сказать, поёжился от холода, помахал всем рукой и выскочил из парадняка.

Не раз потом вспоминал Сва этот разговор и сигарету с травкой:

– Понятно, Дику жизнь давно опаскудела. К тому же он понтярщик. Такая открывалка работает лишь там, где и открывать нечего. Но дурь – это серьёзно, это отмычка уже от мозгов, чёрный ход в самую душу.

Откол

Несколько дней по городу растекалась холодная оттепель. Растаяли лужи, крупные капли висели на ветках, лоснились от влаги последние кучи листьев, оставленные дворниками на бульваре. В один из вечеров, когда Бор который раз пел то по-французски, то по-русски песню Холидея «Ворота тюрьмы», когда из угрюмого задверья в парадняк вползали сырые туманы, холодной испариной оседали по стенам, стыли на полу и проникали под одежду, когда все ёжились от неюта, задумчиво рисовали на стенах пацифики, простуженно чихали, наперебой сморкались и словно чего-то ждали, в подъезд вошёл Откол. Он потянул в воздухе носом, перекошил лицо, словно от жестокой боли, крикнул «Слушай, народ!» И истошно, надолго закашлялся.

– Ну, и в чём фенька? – спросила Точка, всегда готовая рассмеяться и всех рассмешить.

– Хочу прочесть вам одну придумку. Называется «Откашлялся». Он размотал толстый шарф, вынул из протёртого до мездры чёрного кожаного пальто бумажку и начал читать: «Известный артист комического жанра вышел на сцену, улыбнулся, открыл рот и негромко откашлялся. В зале вежливо зааплодировали. Тут он откашлялся ещё раз, погромче. Подождал, пока стихнут приветствия, и закашлялся сильнее. Зрители принялись по привычке смеяться. Тогда артист начал кашлять непрерывно, с натугой, хрипом, слезами и покраснением лица. Народ зашумел, засвистел, потом заорал, затопал. Артист всё кашлял. Никто уже не смеялся. Наконец, все начали, стуча сиденьями и возмущённо крича, покидать зал. Комик обвёл уходящих мутным взглядом, покачнулся, кашлянул напоследок и скончался».

Откол кашлянул пару раз, картинно вынул носовой платок, развернул на пол-лица, шумно вздохнул и... опять положил в карман:

– Ну, как?

– Забавно, – хмыкнула Глори. – Под Хармса сделано.

– Не понял юмора, – недовольно уставился на него Бор, замотанный вокруг головы серым пушистым, похожим на женский шарфом.

Откол ничуть не смутился:

– Если текст вам не покатыл и кашлять никому не расхотелось, предлагаю оттянуться по-другому. Сейчас мы сделаем для себя немного музыки. Делимся по способностям и

тембру. Одни кашляют, другие сморкаются. Басом, тенором, фальцетом, кто как может. Мне на это начхать, – он театрально чихнул, – я займусь режиссурой. Начали! Горловые партии солируют. Можно кашлять дуэтом, можно трио. Потом вступает хор носов, затем опять кашельники.

Народ хмыкал и хихикал, слушая объяснения Откола. Все были явно готовы к спектаклю.

– А чихать можно?

– Если кто умеет нелажово, то вперёд! Мне лично слабо.

Со второй попытки получилось нечто забавное. Трое попеременно кашляли, остальные, зажав носы и выпучив глаза, вразной трубили на весь подъезд.

– Вэл дан. Теперь пауза, накапливаем рабочий материал и ждём ценителей. Но помните, друзья мои, мы работаем в коллективе. Меньше самовлюблённости. Каждый должен понять идею и дать ей яркое личное выражение. Всё должно быть предельно жизненно, должно убеждать...

Где-то вверху гроыхнула дверь лифта.

– Попробуем под блюз, – прогнусавил Потоп, не отрывая платка от носа.

– Лучше на мотив «Эй, ухнем!» – хохотнула Точка.

– Всем убрать смайл! – Откол хлопнул в ладоши и обвёл трупку сердитым взглядом.

Со слезящимися от смеха глазами все ждали лифта и тихо пробовали силы. По углам звучали репетиции. Бор выделял нечто неслыханное с помощью своего носа.

– У тебя талант просто выдающийся, аграмадный! – не выдержала Ни-ни и сделала ему пальцами «носик».

– Не выпускай пары, старик. Ты начнёшь, – довольно улыбался Откол.

Тут же послышались хохочущие вскрики:

– Бор станет солистом ансамбля «Горлонос», новой рок-звездой.

– Мы объедем с гастролями весь мир.

– И всем утрём нос.

Хлопнула дверь лифта, и в подъезде появилась пожилая пара.

– Уан, ту, гоу ит! – прошептал Откол и театрально чихнул в пол. Бор громко, старательно начал. С обеих сторон его принялись обкашливать две герлицы, к ним неуверенно, но басовито присоединился Потоп. Жильцы остановились на полпути, недоумённо всмотрелись в молодые лица с красными носами и безумными от еле сдерживаемого смеха глазами.

– Мань, гляди! Они все чеканутые. Напились штоль? – помотал головой тщедушный мужичонка.

– Во! Опять собрались, раскашлялись. Ещё заразят чем, – дёрнула его к двери крепколицая жена. – Кто их, чертей, знает?

Тут вступила группа с носовыми платками и выдула несколько коротких мучительных аккордов. Их сменило энергичное соло Бора и нестройный кашель аккомпанемен-

та.

– Не пойму, хулиганят што ли? – голос женщины стал грозным, а щёки запылали. – А то щас! Милиция рядом, живо всех разгонят!

– Тётьенька, да мы гриппуем! – зажмурился Откол и неудачно чихнул. – От холода тут прячемся.

– Мы все хиппу-уем... – гнусаво протянула Мади и выразительно закашлялась.

– Чево? Не поймёшь их... Лёнь, ну, чё встал-то? Седой, а всё на девок пялился, – хмуро оглядывалась женщина, подталкивая мужа к выходу.

– В Москве эпи... демия! – чихнул Бор и внушительно сыграл носом.

– Мы тут лечимся... – хохотнул и всё испортил Потоп.

– Халюганы они! – догадался мужчина и блеснул на жену глазами.

– Щас милиция вас вылечит! Заразы такие, ещё и насмеются, – женщина вытолкала мужа на улицу и гневно обернулась, – Собрались, расчихались. Я пойду сообщу, кому надо!

Дверь захлопнулась, и все взорвались от хохота.

– Угораю, мама!

– Ну, ка-айф!

– Это, это... полный абзац!

– У вас хипп в голосе! – Откол грозно ткнул в Мади пальцем.

Все разом покатались со смеху, но Потоп отдельно и громко произнёс:

– Леди подумала, мы хотим её заразить. Придётся скипать.

– Чё ты застремался? – демонстративно кашлянул Бор.

– Нет, я серьёзно, – кашлянул в ответ Потоп.

– Расслабьтесь! – крикнула Точка и презрительно высморкалась. Откол вынул из сумаря бутылку портвейна и приподнял над головой:

– Так! Начинаем заседание худсовета. Разбор полётов...

– На полу заседать будем? – приснула Ни-ни.

– А могут и в ментовку посадить, – мрачно продолжил Потоп.

– Или в крезу положить, – хохотнула Точка.

– Или, или... Не кашляйте, народ! – закричал Откол и открыл бутылку. – Да здравствует первый в мире ансамбль носоглоток!

– И первый в истории концерт новейшей хиппо-музыки, ура!

Жизнь в парадняке проходила по своим законам. Чтобы меньше мозолить глаза, обычно собирались после восьми вечера, когда жильцы безвылазно сидели по домам у телеящиков. После очередного стрёма с вызыванием полисов, все на несколько дней рассыпались по другим тусовкам. Ходили на «Пушку», на «Стрит», к «Ноге» или заваливались на чей-нибудь флэт. А через неделю-две потихоньку возвращались в

парадняк. Так же беспрерывно курили, дружно смеялись над приколами, обнимались, поражали пионеров хипповым прикидом, феньками и непрерывным стёбом, иногда все вместе шли в кафе «Аромат», где блаженно тянули копеечный чай со слойками или пустым хлебом, аскали мелочь, делали детский смайл возмущённым гражданам, скидывались и в ближайшем лабазе покупали на всех конфет и дешёвого вайна, долго согревали и настраивали доску, чтобы отсинговать пару песен, кайфовали в тишине, подписывались на сейшены с другими тусовками, мечтали о весне и летних трассах и к полуночи разъезжались по домам до следующего раза.

Но Сва, чтобы жить, должен был мертветь. Изнутри, с каждым днём всё больше. Гнать любые мысли, смеяться любому пустяку. Болтать ни о чём – быть, как все. Он держался из последних сил. А дома в нём всё срывалось.

– Одиночество – это когда один ночью... – крутилась в голове дурацкая мысль.

От неё он пытался избавиться, то глядя в книгу, то уставясь в окно. С нею засыпал, забывая во сне себя и неодолимую грусть. И внезапно просыпался, когда в нём просыпалась надежда:

– Она придёт. Не может она пропасть навсегда.

Однажды в парадняке Сва попал на бёздник Откола. Тот был в ударе, да ещё по такому случаю, принёс вайна и кучу прикольных штуквин.

– В честь моего двадцатиоднолетия провозглашаю новое

направление в искусстве. Называется Аз-арт!

– Азарт? – переспросил Потап.

– Вот ты первый и попался, – довольно рассмеялся Откол. – Азарт, а не азарт! «Аз» – это я, ты и любой, кто захочет, а «арт» – всем понятно. Получается, если мозги наморщить, «я-искусство», то есть, «самоискусство». В переводе на московско-пешеходный значит «самовыражение».

– Ну, и как ты будешь теперь прикалываться, подкалываться или откалываться? – поинтересовалась Ни-Ни.

Откол молча, без улыбки поднял палец вверх, и все покапались со смеху.

Для начала он вытащил из сумки и повесил себе на спину небольшой коллаж в багетовой рамке на мотив картины «Не ждали», где вместо фигуры ссыльного была наклеена фотография хиппаря в крутом прикиде. Расхаживая так, Откол читал короткие забавно-нелепые стихи и, уставившись глазами в глаза, доводил до истеричного смеха одну герлу за другой: «Квадратное сердце», «Он с женой контуженной», «Надувная птица», «Цветок в горшке», «Поцелуй тротуара»... Кроме названий и отдельных строк Сва ничего не запомнил. Сочинения Откола в тусовке знали и называли, как и он сам, «стихарями».

– Прочти «Красные фиги»! – крикнул Потоп.

– Нет, это я читаю только по крупным государственным праздникам, – комично посерьёзнул Откол. – Когда фиги торчат на всех домах.

Не подавая вида, Сва долго всматривался в его лицо и когда пересёкся с ускользящим взглядом, не поверил: в глазах Откола стыла весёлая жуть, в бессмыслице слов колотилось отчаяние, всё походило на непонятную пытку себя и других. Или так показалось? Откол не подавал вида. Насладившись эффектом «стихарей», он неожиданно пустил по полу заводную мышь, которую все тут же начали с визгом и хохотом ловить.

– У братишки взял поиграть. Умоляю, не сломайте!

– Кайф! Где кошка? Умираю, держите – сейчас рухну! – визжали девушки.

– Бор, крезанулся? А-а! А-а-а!

Это Бор сунул мышь за шиворот Муазель.

– А для тех, кто боится мышей, – крикнул Откол, – предлагаю маленький концерт. Следующий аз-артный номер! – жестом фокусника он достал из-за пазухи детскую пластмассовую флейту, набрал в рот сигаретного дыма и выдохнул изо всех отверстий вместе с долгим гнусавым звуком.

– Откол, дай дунуть! – хохотнула Данетт.

Рядом покатывались со смеху другие и рвали игрушку к себе.

– Класс! – хмыкнул Потоп. – Можно оттянуться?

Откол невозмутимо отдал флейту и тут же в упор выстрелил в него из пистолетика с лентой бумажных пистонов. Отпрыгнул, сунул его Ни-Ни и крикнул:

– Будешь отстреливаться! От Потопа и полисов.

Все ополоумели. Носились по подъезду за мышью, пытались дуть друг на друга «музыкальным дымом», поочерёдно, вспомнив детство, стреляли трескучими пистонами и смеялись до потери сил. Но тут, перекрывая шум, Откол крикнул:

– Сто-оп! Всем стоп! – вынул пакет и поднял высоко над головой: – На случай стрёма. Если жильцы станут нависать, типа «пошли вон!», всем замолкнуть и сунуть в рот вот это. Хватит каждому.

Он принялся серьёзно и сосредоточенно раздавать направо и налево дешёвые соски-пустышки. Раздался громовой хохот, несколько человек сползло по стенам на пол, изнемогая в смеховых конвульсиях. Долго ждать не пришлось. Вскоре на лифте спустился юноша, глянул на дружно чмокающих хиппов, недоумённо поправил очки и диковато гоготнул.

– Держи, малыш! Это тебе от райсобеса, – протянул пустышку Откол.

– Нет уж... Вы тут сами, без меня... – смутился тот и с оглядкой поспешно скрылся.

– В кино не увидишь, комики! – добродушно остолбенел старик, старательно повертел пальцем у виска и заковылял к лифту. – Подождите, я жену позову, фотоаппарат вынесу.

– Во, здорово! Приходите, обязательно!

– Всей семьёй!

Проводив очередного жильца, пиплы корчились в припадках смеха, хватали ртами воздух и ходили вдоль стен с бес-

сильно плачущими глазами.

– Чудо-соски! Для продления жизни! – с пафосом кричал Откол. Но тут с улицы вошла знакомая всем женщина средних лет, грозно обвела взглядом подъезд и сказала, заводясь с полуоборота:

– Так, опять вы здесь!

Все мгновенно замерли и, глядя на чудище по-детски выдувленными глазами, принялись дружно и звучно сосать пустышки.

– Что? Совсем рёхнулись? – вскрикнула женщина и неуверенно отступила к лифту.

– Мы ещё маленькие, – не выдержала Данетт.

– Мы хорошие. Нам есть хочется, – жалостливо протянула Точка.

– Сейчас вас накормят. В отделении. На бульвар выметайтесь! Живо!

– А на улице холодно! – продолжала Точка.

– Нам там страшно, – поддержала её Муазель.

– Тётяшка, не выгоняйте нас, пожалуйста! – жалостливо басил Бор.

– Дурью маются. Всех вас на стройку! В Сибирь отправить! Вкалывать!

– Мы готовы, сразу вслед за вами! – крикнул Откол.

– Вроде трезвые, а что творят. И правда, хуже младенцев, – сбавила тон женщина. – Неужто, моя дочка такой станет? – она захлопнулась в лифте, а вслед ей неслись голоса:

– Пусть дочка к нам приходит!

– Ей с нами классно будет!

– Ещё чего... – из плывущего вверх лифта донёсся задущенный вскрик и потонул во всеобщем восторженном гаме.

– Всё, халатов зовите! Отъезжаю.

– О-о, тащусь! Прун пошёл, о-о!

– Не могу, живот от смеха... вывихнул!

– Гуд фо ю, Откол!

– Давайте споём ему!

Откол с серьёзным видом сосал пустышку, вслушиваясь в плохо звучащие голоса:

– ...хэппи бёсдей ту ю, Откол! Хэппи бёсдей ту ю!

На этот раз Сва не усидел в углу. Вместе со всеми пил портвейн и улыбался, поминутно срываясь на смех. Перед уходом подошёл к Отколу, благодарно глянул в пьяное улыбающееся лицо, но так и не решился ничего сказать, только пожал руку. Тот в ответ вынул из кармана заводную мышь, взял зубами за хвост, по-кошачьи помотал головой и очень похоже мяукнул. На одном плече у него висела Точка, на другом Мади.

Без причины много дней подряд Сва вспоминались строчки из «Надувной птицы»:

И думала птица, что небо – в груди, Что
целая жизнь у неё впереди...

А потом она, конечно, лопнула. Как детский воздушный шарик. Откол был прав, он всё понимал. Глупо страдать из-за людей, у которых «квадратное сердце». Но зачем смеяться над собой и хиппами, с их мечтой «улететь в небеса»? Чем он сам держится? На все попытки сблизиться Откол отвечал гримасами и дурацкими выходками.

– Это же Откол! Он такой был и таким останется, – говорили о нём герлицы.

Нот сдержал усмешку и попытался объяснить необъяснимое:

– С ним особо не поговоришь. Ясно, что талантлив, и это знает. Один мой знакомый – отец в рок-авангардных кругах, слышал, как Откол свои «стихари» читал, и заценил: «Мэн может далеко продвинуться. Но пока это способный наивняк. Для начала сойдёт». Я согласен. Откол всякий, в нём всё перемешано. Все его любят, девицы к нему липнут, но никто не знает, что у него в душе. Хотя, мне кажется, он давно и безнадежно на Лави глаз положил.

Иначе и быть не могло. Сва понимал, что в своих чувствах не одинок. Лави нельзя было не любить. Тусовка без неё заметно потускнела, никто не подавал вида, но все ждали её возвращения. А о Лави не было вестей, её подруги пожимали плечами:

– Дереву ясно, телефон отключила. Уже которую неделю не отвечает.

Сва не мог пересилить тоску и, хотя денег было в обрез,

каждый вечер покупал сигареты, портвейн или печенье, угощал друзей, слушал заумные прогоны, а в душе то и дело взмывали воспоминания об их единственной встрече и непонятные, то ли радостные, то ли тревожные, предчувствия. Герлицы держались от Сва в стороне, с кем-нибудь из хиппов он глотал вайн, до одури курил, в нужных местах кивал головой и улыбался, но говорил мало и вяло – о всякой ерунде. С краю, в углу или у стенки, потерянно отсиживал час-другой, на прощанье махал рукой в пространство и молча исчезал.

«Способный наивняк», – вертелись в голове слова, он примеривал их к Отколу, Ноту, себе и с досадой усмехался:

– Ну, и припечатали олды! Сразу всех, кто моложе. Ладно, наплевать. Пусть для них мы наивняк. Они тоже такими были. Во все времена так было. Пожалуй, только про Лави не скажешь, что наивна. В ней что-то другое есть, странное. И опять мысли надолго возвращались к ней.

с. Лави

Лави появилась в парадняке неожиданно – в начале декабря. Вид у неё был отрешённый, почти больной. Она тихо со всеми поздоровалась, мельком кивнула Сва, ещё кому-то и невидяще прошла мимо, не желая ни с кем общаться. По тому, как она в стороне шепталась с ближайшими подругами, было ясно – с нею происходит что-то особенное. От её безразличного взгляда у Сва заняло сердце. Подойти к ней и заговорить? Как, о чём? Весь вечер он украдкой поглядывал в её сторону. Вот Лави допила с герлицами бутылку сухого. Закурила и надолго замолчала, закрыв глаза. Начала что-то брэнчать на гитаре. Бросила. Кому-то блеснула издалека глазами. И теперь, сидя на ступеньках, обхватила колени и низко опустила голову. Лицо скрылось под локонами волос с тёмно-золотым отливом.

Казалось, Лави кого-то ждала. Понятно, что не его, раз так равнодушно прошла мимо. Значит, выдумкой была их сразу возникшая близость. А её глаза, зовущая глубина, прикосновение губ? Немыслимо. Два месяца он жил этими мгновениями, и они не кончались. До предела заполнили жизнь, вокруг уже столько дней клубилась ничтожная пустота. И вот... Сва едва заметил, как Лави и Точка, ни с кем не простясь, быстро вышли на улицу. Хлопнула входная дверь, но Сва не шелохнулся. Задохнулся от внезапной обиды. И в то

же мгновение понял, какая это была ошибка.

Голоса стихли.

– Чего это они вдруг?.. – удивлённо протянул Бор.

Все наперебой принялись обсуждать этот странный уход, но он не понял ни слова. Так же ни с кем не простясь, ринулся к входной двери. Хотелось только одного, догнать Лави и, ничего не говоря, поцеловать. Крикнуть ей – нет, обнять и шепнуть губы в губы:

– Люблю. Не могу без тебя.

Он добежал по бульвару до метро, покружил около выхода, переулками, замедляя шаги, вернулся к парадняку и долго бродил рядом. Всё было напрасно, подруги бесследно растворились в зимней тьме. Только тут его осенило – Лави приходила к нему. К нему и ни к кому другому! Весь вечер ждала, что он подойдёт. И, наверное, думала: «Если любит, увидит, что мне плохо и скажет хоть что-нибудь, хоть одно слово...»

– Идиот! Последний из идиотов! Как я мог этого не понять? Обиды на неё клеил. Поверил Дику. Что я про неё знаю? Вдруг она болела всё это время? И вовсе никакая не фрилавистка... Теперь она в парадняк не скоро заявится. А на меня и смотреть не захочет. Да и придёт ли вообще? Если бы ещё хоть раз её увидеть, если бы такое было возможно! Ничего не побоюсь, при всех скажу ей, что люблю.

На следующий вечер Сва пришёл в парадняк позже обычного, не глядя, махнул всем рукой и примостился в углу, на

сломанном ящике из-под фруктов. И тут заметил Лави. Увидел и не поверил глазам. Она сидела в глубине подъезда, на лестничных ступеньках, в обнимку с незнакомым парнем. На Сва не обратила никакого внимания. Он перестал для неё существовать. Остальные понимающе, кисло-ва покивали ему и оставили наедине со своими мыслями. А мысли у него были самые отчаянные. Кто-то стоял вдоль стен, пересказывая старые прогоны, кто-то привычно расположился на кипах картона и на батарее. Все курили и гоняли пургу. Две бутылки сухого никак не согревали разговор.

– Вчера я чуть ли не молился об этой встрече. И вот встретились. Лучший момент для признания в любви. Хай тайм. Значит, Дик оказался прав... В тот первый день чуть расслабилась со мной из любопытства и тут же забыла. Непонятно только, зачем передавала мне привет? Но для неё это сущий пустяк. Какой же я беспредельный, голимый наивняк... Ну что ж, Лави, нет больше Сва! Пора отчаливать, вновь становиться Севой, цивилом из универа. Немного посижу напоследок, дождусь, пока горечь поглубже разъест всё внутри. Каждый взгляд на вас двоих – глоток кислоты, столько горячей боли в груди и животе. Скоро там всё растворится, и меня пустой оболочкой унесёт в заледенелый город. Недолгая операция по выжиганию чувств. Нет, не выдержу больше. Слишком больно так – сразу. Лучше доболеть одному. Где-нибудь, как-нибудь. Всё, нет сил! Прощай!

Сва рывком поднялся и пошёл к двери, у выхода обернул-

ся, чтобы напоследок глянуть на Лави и на бывших друзей, махнуть им рукой и молча скрыться. Там, у порога, поймал её далёкий, пронзительно грустный взгляд. Лави по-прежнему сидела рядом с парнем, но была словно одна и неотрывно, умоляюще смотрела. Глазами и всем видом просила: «Не уходи!»

Не зная, что делать, он прислонился к стене, опустил веки, дрожащими пальцами вынул пачку сигарет и тут услышал её отчётливый голос:

– Народ, хочу спеть вам кое-что! Недавно сочинила. Называется «Двадцать лет». Короткая, хотите?

– Свой новый сонг? Оф коос! Дави, Лави! – голоса гулко отозвались в подъезде.

Она поднялась со ступенек, расчехлила гитару, села на единственном покалеченном стуле без спинки, отдала сигарету Точке и, глядя в пол, запела грустным, подсаженным от курева голосом:

Двадцать лет!
Нам вслед
вторит «нет» и «нет»
этот мир свой жестокий завет.

Снова год
пройдёт,
сердце глупо ждёт,
но весна никогда не придёт.

Жизни жуть
забудь,
есть отсюда путь –
в синеву ледяную нырнуть!

Она едва перебирала струны замёрзшими пальцами и, казалось, всеми силами противилась тоске:

Небосвод
плывёт
над кругами вод,
и никто нас не позовёт.

И не жаль,
что вдаль
унесёт февраль
наших душ любовь и печаль,
наших душ любовь и печаль...

Сва подошёл ближе, встретился с Лави взглядом. Глаза её скорбно, без слёз блестели, больше обычного темнели зрачки, но в их глубине к нему метнулось прежнее горестное тепло. Она опустила веки и чуть заметно кивнула головой, будто говоря: «Понимаешь теперь?»

– Всё так, – задумчиво промолвила Муазель.

– Это ты о нас! Это... – Данетт бросилась к Лави, обняла её и готова была расплакаться.

– Брось, мать, надринкалась, – Лави отстранила подругу и опять опустила голову.

Хиппы неясно зашумели. Никто не ожидал услышать песню, где было столько грусти. Ей протянули полстакана вина, подошли с каким-то мятым цветком, полезли с поцелуями и растерянными похвалами:

– Найсовый мотив. И слова зацепили, – задумчиво произнесла Мади.

– Меня что-то плющить стало, – всхлипнула Ни-Ни и отвернулась к стене.

– Синганула клёво, но как-то в облом... – Потоп маялся посреди подъезда и явно не знал, что делать.

– Ну, раз так, забудьте!– Лави подняла голову, сверкнула глазами в сторону Сва и наклонилась к сумке: – У меня тут батл есть.

Со ступенек поднялся её парень и оказался настоящим верзилкой: – Да, что-то ты притухла малость, – небрежно бросил, открывая бутылку коньяка, – Сделай что-нибудь для оттяга.

Лави не шевельнулась. В тот же миг у Сва мелькнула сумасшедшая мысль – эту песню она спела для него. Рванулось и неистово застучало сердце. Он подошёл к Лави и, не думая, выпалил:

– Давай выпьем за твою песню и... за твою любовь!

В руках у него ничего не было, и он смутился, не зная, куда их деть. Но и терять ему было нечего. Наступило корот-

кое молчание.

– Ну, и дальше что? – с издёвкой произнесла Точка.

– А дальше... – Сва наклонился, поцеловал у Лави руку и с пылающим лицом отпрянул.

Все дружно засмеялись, как от дурацкого прикола.

– Тебе больше нравится быть студнем или мажором? – без раздражения, скорее с любопытством спросила Лави, но в глазах её опять мелькнула грусть.

– Мне всё равно. Я решил отсюда свалить, раз и навсегда но вот... услышал эту песню. Спой ещё что-нибудь из твоих, на прощанье! – её же взгляд он отсылал ей навстречу и, затаив дыхание, ждал.

– Брось ты! Какое прощанье... – улыбнулась, быстро отвела глаза. – Ладно, я вам сейчас одну заводную сыграю.

Некоторое время все переводили взгляды с Лави на Сва и незнакомого верзилу. Но с первых же гитарных аккордов в парадняке началась лёгкая чума. Это была битловская «Can't Buy Me Love». После предыдущей песни всем явно хотелось встряхнуться. Данетт и Бор лихо танцевали, сбросив пальто на руки друзьям, остальные прихлопывали в такт. Пришли две разряженные герлицы, расцеловались с Лави и с кем-то ещё, как со старыми знакомыми, вынули бутылку рэда. Дружелюбно глянули на Сва, но он сел в угол и закрыл глаза, не желая играть в кис, участвовать в приколах и слушать дурацкие телеги.

– Чувак! Ты что, не будешь? – верзила стоял рядом с от-

крытой бутылкой.

– Буду. За вас, – он попытался овладеть собой, поднялся, сделал несколько больших, невежливых глотков и опять сел.

Горячая волна заполнила тело, голова бездумно пошла кругом. Сва закрыл глаза и стал ждать. Хотелось лишь одного, чтобы его никто не трогал. К счастью, Дика не было, а остальные про него будто забыли. Что-то пели – то Лави, то её верзила, то Бор. Хохотали герлицы, дурачился Откол... Надо было дожидаться, когда всё кончится, и потом во что бы то ни стало поговорить с Лави. А если не захочет, распрощаться с нею и со всей системой: «Давно пора. Как-нибудь проживу. Половина людей одиноки. Почти все несчастны, но всё равно живут, – твердил он сам себе. – Только скажу ей, что люблю. Станет легче, я знаю. Больше мне ничего от неё не нужно. Просто уйду и буду о ней вспоминать. Всю жизнь».

Расходиться по домам стали ближе к полуночи. Сва молча шёл к метро вместе с парой незнакомых девиц, Лави и её спутником. В черные лужи вмёрзли желто-красные листья – остатки осени, которые ушедший ноябрь бросил им под ноги. На перроне все распрощались, и они остались втроём. Верзила обнял Лави, поджидая поезда. Сва глупо стоял рядом и не мог открыть рта.

– Чао! – парень с силой хлопнул его по плечу.

– Гудбай, – пошатнувшись, но не повернув головы, ответил Сва и перехватил быстрый взгляд Лави: – Я хотел бы на прощанье поговорить с тобой, можно?

– На прощанье? – она посмотрела, что-то про себя решая, усмехнулась, будто ждала от него именно таких слов, и чмокнула верзилу в щёку: – Май литл, я пройдусь немного со Сва. На прощанье, как он говорит. Езжай один, о'кей?

– Файн! – сердито буркнул тот, прожёл его взглядом и шагнул в подкативший вагон.

– Можно, я тебя провожу? – теряясь от радости, спросил Сва.

– Ладно, проводи. Поехали на следующем. Мне нужно домой поскорее, бабушка ждёт, – она отвернулась и пошла вдоль перрона.

– Я так рад, что сегодня тебя увидел. Решил завязать с пиплом и хочу попрощаться. С тобой одной, – начал Сва.

– А почему мне такая честь?

– Я тебя совсем не знаю. А других уже не хочу знать. Мне показалось, ты на них совсем не похожа. Ты мне сразу лавну... Я сразу полюбил тебя, как увидел! А после этой песни... Захотелось поговорить, потому что... – он поднял лицо и встретился с ней глазами, – я сам мог бы похожую написать.

– Ты пишешь песни? – Лави глянула с любопытством.

– Нет, стихи. Но одна песня у меня есть, хотя мотив не мой, какого-то американца, не помню.

– Ну, прочти мне что-нибудь, я люблю поэзию, – в её голосе послышалась неприятная нотка.

– Прочту, если хочешь. Ладно, сейчас. Хорошо, что я

пьян... Нет, я тебе лучше спою. Зайдём в вагон, эхо мешает.

– Действительно, – она усмехнулась, позволила взять себя за локоть и ввести в подъехавший вагон. – Ну, слушаю!

– Я на ухо тебе спою, можно?

– Какой хитрый! – опять усмехнулась. – Можно.

Сва закрыл глаза: «Ладно, спою и расстанемся...» Запел сильным, неровным голосом:

Опять всё уходит – любви нашей лето,
Зелёные листья желтеют опять,
С лёгким криком надежда улетает бесследно,
Только белые крылья вдали шелестят.

Пропало метро, Лави, исчез целый свет. Всё повторялось! Он пел в пьяном одиночестве, наедине с тем давним, первым приступом отчаяния, когда вдруг почувствовал, что нечем жить:

И глаз твоих слёзы, и губ твоих нежность,
И слов твоих холод кто сможет понять?
Нам дано как в насмешку полюбить – потерять,
В миг случайный родиться и исчезнуть опять.

Нет, Лави была рядом, слушала, закрыв глаза, наклонив голову.

– Давно написал, на мелодию одного блюза. По «голосам» как-то услышал. Конечно, наивно и коряво, я знаю, – мучи-

тельно выдавил Сва приговор себе самому.

И услышал в ответ:

– Зря не говори.

Глаза Лави лучились, как в день их знакомства, и опять, как тогда, в них мерцала грусть. Она отвела взгляд:

– Не ожидала, если честно. Что-то близкое послышалось... Значит, ты стихи пишешь. Дал бы почитать!

– Хочешь? Завтра всё в парадняк принесу! – вскрикнул он. – Но только тебе одной. Я ведь не поэт. Пишу редко, просто так.

– Только так и можно писать. Ни для кого и ни для чего. Как же ещё? Хорошо, никому не скажу, – она положила руку ему на плечо и пронзила ускользящей, мечтательной улыбкой. – Странно, ты первый мэн, кто мне свои стихи прочёл. Да ещё и спел, – она быстро поцеловала его в щёку и шепнула: – Спасибо.

Сва едва сдержался, чтобы изо всех сил не сжать Лави в объятьях. Он всё падал и падал в её овейный дымной горечью взгляд...

– Ты, правда, совсем дивный. Все герлицы думают, что ты девушек никогда не любил.

– Любил. И очень сильно.

– А где же сейчас твоя любовь?

– Не знаю, наверное, замужем.

– Сва, – глаза Лави были закрыты, а рука всё лежала на его плече, отчего восхитительно кружилась голова.

– Что? – чуть приблизился он.

– Глупый, поцелуй меня.

– Я не могу... Ты такая... Я сразу с ума сойду.

– Значит, тусовка наша ничему тебя не научила? – она отпрянула и рассмеялась.

– Увы, научила! Там поцелуй – как сигарета. Будто никто ничего не чувствует, никого не любит! Все только целуются с кем попало и так далее.

– О... – Лави опустила глаза. – Опять ты первый, кто мне это говорит. Почему? Даже, если ты чуточку прав.

– Скажи, – горячился Сва, – кто придумал такой прикол дебильный?

– Это к нам от западных хиппи пришло. И не с кем попало, а только со своими... Неужели ты не понял? В мире уже нет любви. Наш поцелуй – это капелька нежности, крошечная, как цветок, – она отвернулась и шагнула к дверям. – Мне выходить! Спасибо за песню. И за мораль. Не провожай, я тут близко живу.

– Прости, я... – Сва опёрся рукой о дверное стекло, будто желая её удержать, и умоляюще произнёс: – Не обижайся! Можно я тебя поцелую? Где тебя никто не целовал?

Она взглянула с издёвкой:

– Прямо здесь? Думаю, таких мест уже не осталось.

Сва поймал её руки и стал с отчаянной страстью целовать худые запястья, холодные пальцы, ногти с обломанным маникюром. Лицом утонул в её ладонях.

Лави шумно вздохнула, слабо потянула пальцы назад:

– Уже целовали. Сегодня вечером.

Через миг на пустом эскалаторе они, изнемогая, искали губы друг друга. Обнявшись, с закрытыми глазами, возносились всё выше, цепенели оттого, что вот-вот эскалатор кончится, и не в силах были разъединиться. Теряя голову, Сва чувствовал покорную, встречную, сводящую с ума нежность:

– Люблю тебя! Навсегда полюбил!

В ответ донеслось едва слышное:

– Встретить тебя... В этой паскудной жизни...

Комья свежего снега таяли на мокром асфальте. Они шли из метро в сырой холод, Лави держала его под руку. Напрасно Сва вновь пытался её обнять, она отстранялась и упорно смотрела вниз, в сторону.

– Что с тобой?

– Ничего. Прости, голова кружится. Это от седа, – вздохнула и, не замедляя шагов, отвернулась ещё больше.

Молча прошли сквозь чёрно-белый призрачный парк полный слабых древесных запахов.

– Дальше не провожай, – сказала она перед большим сталинским зданием и остановилась. – Тебя всё равно не пустят.

Быстро коснулась губами его щеки:

– Не обижайся, уже поздно.

– Лави! – он попытался её обнять. – Мы так и простимся?

– А как бы ты хотел? – вскинула она полные слёз глаза. –

Чтобы я тебя на ночь к себе вписала?

– Ты о чём? Совсем не то. Совсем! – Сва побледнел. – Раз так... Ничего я не хочу. И правда, зачем тебе моя любовь? Немного расслабилась, как пипл в парадняке, вот и всё. И всё-о!

Он прокричал последние слова и, не оборачиваясь, бросился назад. Несколько мгновений надеялся, что Лави его окликнет, и готов был вернуться, забыв о позднем часе, обо всём на свете. Но она не позвала.

Сва чувствовал, что для неё это было «не всё», вспоминал её поцелуи, слёзы в глазах, дрогнувший голос и обидные слова в конце – будто нарочно отвечала на песню, которую он спел ей в метро. Будто она и была той, самой первой, с кем он расстался, захлёбываясь тоской... Ничего, ничего он не понимал. Опять любовь казалась мучительным чудом: является на миг и, целуя, уходит навсегда.

Утром не было сил проснуться, начать бессмысленный день, ждать вечера, идти неведомо куда. С парадняком он покончил, но Лави... Потерять её из-за какой-то нелепости, из-за каких-то слов, одних только слов! Нет, она не притворялась, она сама страдала.

– С ней что-то непонятное происходит. Плакала и всё равно уходила. Неужели из-за этого верзилы?

Прощальный мучительный взгляд Лави нескончаемо летел в душу. И её песня, от которой стало ещё больше жить, звучала вокруг – в ледяном, изуродованном мире.

– Мы так похожи, невероятно похожи, – горевал Сва. –

Она с первой встречи потянулась ко мне, не скрывая. А вчера я прямо сказал ей, что люблю. Неужели она выходит замуж? Ну, зачем, если не любит? Зачем ей этот тип? Я должен всё узнать у неё самой. Пусть считает меня мажором, студнем, дебилом – кем угодно, стерплю я эту чепуху. А её всё равно буду любить. Но как сказать ей об этом? Опять идти в парадняк?

Давно наступил вечер. После бесчисленных колебаний Сва понял, что другого выхода нет.

Картонная папка с тесёмками, в которой он хранил свои стихи – те немногие, что не сжёг однажды, в нестерпимо ясный летний день, – уже выцвела за несколько лет. Всё было перемешано с машинописными перепечатками, так и оказавшимися никому не нужными.

– Несколько стихотворений десятиклассника о несчастной любви и нелепой жизни. Наивные и неумелые, как первый поцелуй. Ничего не буду исправлять. Она поймёт...

На остальных листках чернели неровные строчки, написанные позже. Скоропись забытых мыслей и чувств мгновенно занималась в сознании: «Подождите, дожди, подождите», «Снега талые кристаллы», «Мне снится твоя ресница»... Та, для которой это было написано, через день вернула стихи, похвалила и сказала, что больше любит кино. Наверное, тогда и началось их долгое расставание... Да, именно так. Среди высохших до хруста страничек Сва выбрал одну и перечёл первую строку: «Листья – это птицы...» Те, что летят

лишь однажды – сразу в вечность. Вспомнился первый приступ тоски, когда за одну ночь кончилась юность и наполовину рухнул мир:

– Неужели никто не понимает, что смерть так близка, а жизнь – лишь несколько прерывистых вздохов?

Как и тогда, Сва отгонял свои прозрения и удивлялся: те же мысли читал он в глубоких, будто гаснущих глазах Лави. Перепечатки сложил в конверт и сунул в сумку – так, на всякий случай.

В метро, на эскалаторе привиделась их вчерашняя встреча – похожие на затяжное падение поцелуи и неожиданное, невыносимое расставание. Время остановилось внутри этих воспоминаний, а когда Сва вышел на улицу и повернул на знакомый бульвар, потекло с ускоренной силой. Он шёл по аллеям, зачем-то отыскивая их вчерашнюю дорогу до метро. Долго кружил в соседних переулках и никак не решался толкнуть старинную, облезлую дверь. Боялся даже представить, что Лави не пришла, что опять явилась со своим верзилкой и его не заметит или убийственно скажет что-нибудь обидное, после чего... Тут Сва терялся и ни о чём не мог думать. Дважды останавливался у подъезда, собирался с духом и отходил в холод и темноту. Совсем закоченел, но стало легче – от холода тело начала сотрясать дрожь, которую так легко было перенести. Мелькнула пугающая мысль, что из-за позднего часа все скоро разойдутся по домам. И тогда, прикусив губу, он толкнул дверь.

Тёпловатый, дымный воздух пахнул в лицо. В сером мареве Сва сразу увидел Лави, сидящую у дальней стены вместе с подругами, а рядом, как всегда, толпился народ. На хлопок входной двери все подняли головы.

– Хай! – он остановился посередине подъезда, под тусклой лампочкой.

– Сва прикамал... – удивлённо протянула Точка.

В тот же миг Лави соскочила с батареи, подбежала и повисла у него на шее:

– Я так тебя ждала! Так боялась, что не придёшь! Сва, любимый, прости!

– Чепуха, – забыв обо всём, он утонул во вчерашнем бесконечном поцелуе...

– Будто одни в целом мире, – мечтательно протянул в наступившей тишине чей-то голосок.

– Бросьте, так не бывает, – звучно кашлянул Потоп.

Вокруг принялись со смехом галдеть, но Лави только вздохнула и, чуть повернув голову, произнесла:

– Бывает. Но та-ак редко.

– Народ, делаем, как они! – пьяно заорал Потоп. – Где наш последний батл?

– А просто так тебе слабо? – крикнула Мади. – Вот мэны пошли, алкмэны!

Бор оказался возле Сва и, усмехаясь, протянул им с Лави полстакана рэда:

– Вас что теперь и вином не разольёшь?

Подошли остальные:

– Пьём за нас всех!

– За хипповую любовь!

– Ну-ка, ещё один кис нам продавите! С привкусом дешёвого вайна. А мы вас поддержим, – Откол сделал вид, что подхватывает падающую на пол пару, и грустновато усмехнулся.

Лави взяла протянутый стакан, отпила и передала Сва, обернувшись на Откола:

– Фэнкс! А теперь все отвяньте, плизз... – она загадочно, пьяно обвела взглядом парадняк и взяла под руку Сва. – Давай двинем куда-нибудь. Пипл, всем чао!

Они шли в обнимку, непонятно куда. На засыпанном снегом бульваре, где их внезапно застала первая метель, обморочно целовались, глотая талый снег и сладкую боль.

– Как с тобой кайфово, – шептала Лави и надолго терялась в его заснеженной бороде.

Сва уже не пытался собой овладеть, а она будто ждала новых поцелуев, каждый раз, когда он прикасался к её губам, вздыхала и льнула навстречу. Затем пошатнулась на ходу, потянула его на запорошённую скамейку, откинулась назад и замерла, подставив лицо снежинкам.

Он очнулся, смахнул капли с бороды, вынул и протянул папку:

– Вот стихи, как обещал.

– Принёс... Обязательно прочту, – Лави, не глядя, суну-

ла их в шитую из цветных лоскутов кожаную сумку. – Ты с родичами живёшь?

Вглядываясь в мягкий профиль, Сва начал что-то рассказывать про трудный размен с родителями и комнатку в маленькой коммуналке, а сам в несчётный раз ласкал глазами запорошённые волосы под капюшоном, лоб, влажные от снега щёки, покрасневший тонкий нос, губы.

– Так у тебя свой рум? – она отшатнулась в полуулыбке, зрачки стали ещё больше и темнее. – Хочу посмотреть, как ты живёшь, поехали!

– Ну, если ты... А не поздно? – залепетал Сва, и у него прервалось дыхание.

– Что ты мелешь? Я совсем закоченела, – Лави поднялась со скамьи. – Нам как, на метро?

Пошатываясь от неукротимого волнения, он вёл её под руку, стараясь ни о чём не думать. «Будь, что будет, будь, как будет», – вертелись в мозгу бессмысленные слова, вслед за ними кружилась голова, внутри разгорался тяжёлый жар, опускался всё ниже и мучительно давил в животе. Она шагала, опустив ресницы, словно в полусне, прижавшись к нему и закрыв глаза, сидела в вагоне, а Сва изнемогал от её близости, старался не замечать коленок, приоткрывшихся между ногами дублёнки, и пытался думать о другом.

Спустя полчаса Лави шла рядом под медленным, сонным снегопадом, не глядя по сторонам, будто к себе домой. Лишь раз остановилась и ухватила его за рукав:

– Смоук не подкинешь?

В лифте он попробовал её поцеловать, но встретил бесчувственные мягкие губы с сигаретным выдохом: ресницы дрожали на полузакрытых глазах, в волосах таяли снежинки. Топая каблучками сапог, Лави вышла на лестничную клетку. Сва выудил из карманов ключи, сдерживая дрожь, защёлкнул входную дверь, в темноте провёл её по коридору до комнаты. «Спят старики», – подумал с облечением, закрылся изнутри, зажёл свет и глухо прознёс:

– Вот, здесь я и живу.

– Файн. Только свет вырубил, глазам больно, – Лави прикрыла лицо рукой, а другой начала расстегивать пальто.

Теряя голову, он обнял её и провалился в беспмятство...

Изнемогая, слепо бился рядом с неподвижным ласковым телом, будто хотел оживить умирающего человека. Гладил и целовал. Одинокое летел в невообразимую даль, прочь от глупой плоти, и вёл Лави с собой. А когда застонал от жгучего и бессмысленного восторга, она лишь тихо вздохнула.

Сва чувствовал щекой душистые волосы и попытался понять, что с ней опять произошло. Шуплый живот, жаркий пушистый свитер, под ним лёгкий бугорок груди: «Зачем всё это? Будто оставила мне свою полуживую оболочку, а сама ушла. Но её плоть, одна лишь плоть мне не нужна. И не была нужна никогда!»

Время медленно двинулось, он шевельнулся, поцеловал застывшее лицо:

– Зачем ты это сделала?

– Что? – встрепенулась Лави и вздохнула. – Жарко...

Скользнула ладонью по его плечу, добавила, будто извиняясь:

– Ты даже мой свитер не снял. Так жарко.

Он шевельнулся, попытался что-то сделать с её одеждой.

– Подожди, я сама, – хмыкнула Лави и села на кровати.

Накинув халат, Сва отошёл к окну и закурил. Он никак не мог найти себе места из-за её наготы и всего, что так нелепо произошло. В голове устало билось: «Чего она хочет? Зачем приехала? Всё не так, не то...» Обернулся и увидел, скорее, почувствовал во тьме её долгий взгляд, спросил:

– Что с тобой? Не понимаю?

– Прости, я была далеко, – у Лави дрогнули губы, на её лицо наплывала грусть, она тряхнула головой, пытаясь уйти от неведомых мыслей, и – было видно – через силу улыбнулась: – Ты такой пылкий, ласковый. Удивительно.

Сва не ответил. В который раз она вздохнула и огляделась:

– У тебя тут тихо. И без занавесок хорошо – небо видно. Смотри, облака светятся.

– Наверное, луна взошла, – он опёрся о подоконник, глянул ввысь и услышал за спиной шорох:

– А где смоук? – ничуть не смущаясь, Лави подошла к нему и взгляделась в небесную тьму.

Казалось, только сейчас она вышла из беспомысленности. Чиркнула зажигалкой, затянулась, тут же толчком загасила

сигарету о стекло, рукой проникла под халат и прижалась всем телом:

– Ми-лый, любовь моя.

Это она? Белеет в странном обмороке лицо, на губах остался забытый вдох. Незнакомой дорогой тянется в полумраке откинута рука. Грудь нежно и незряче смотрит вдаль. Тайной жизнью дышит живот, кажется мягкой отмелью, тёплым берегом, крохотным небосводом с отпечатком луны. А дальше, под неразличимой путаницей волос, тело кончается. Нет, творится заново из плоти крошечного младенца, белой ровной долиной возвращается к водопаду волос...

Тонкие пальцы гладили бороду, плечи, грудь, от этих прикосновений замирала кровь. Светящиеся облака соприкасались краями, плыли в чёрном небе. И казалось, они вдвоём тоже медленно парили – на головокружительной высоте, откуда невозможно вернуться на землю прежними людьми.

– ...

– ...

Слова были похожи на дыхание. Кто начал говорить, о чём, зачем? Глаза давно привыкли к полумраку, Сва увидел маленькую родинку над её ключицей, поцеловал. Поймал пальцы, поднёс к губам, вспоминая их первый поцелуй. И вдруг заметил на запястье три тонких белых царапины.

– Что это у тебя?

– А, это... – Лави помолчала. – Это я пилилась однажды. Но облом всё, неважно.

Он не решился расспрашивать, лишь погладил бледные щрапки, косо рассёкшие кожу:

– Больше никогда так не делай, слышишь!

– Если б ты был со мной тогда, раньше... Боже, как ты опоздал! – Лави тяжело выдохнула и закрыла глаза.

А потом началось ужасное. Она уткнулась носом в его грудь и отчаянно зарыдала.

– Что с тобой? – тряс её Сва, пытаясь целовать в прыгающие губы, в мокрые глаза, ловя невозможные слова:

– Нет... Ты не должен! Не должен... меня... лю... – она никак не могла закончить свою страшную фразу.

– Что ты несёшь? Мы вместе! Навсегда!

Лави замотала головой, сдерживая то ли крик, то ли боль.

Он прижался к ней, гладил, целовал, тряс, целовал опять. Потом вскочил, заставил выпить полстакана воды и сел на кровать.

Несколько раз вздохнул, обтёр мокрой ладонью лицо. Ничто не помогало. Лави сотрясала непрерывная дрожь. Не зная, что делать, он набросил на неё одеяло и глухо спросил:

– Хочешь, выпьем чуть-чуть? Расслабишься. У меня немного вина есть.

Она не ответила.

Старики-соседи спали, похрапывая из-за двери на два голоса. Сва прошёл на кухню, заварил чай, захватил из холодильника еды и вернулся в комнату, нарезал хлеб, достал портвейн, рюмки, чашки, уселся за стол и принялся ждать.

Облака тускнели, становились серо-чёрными, звёзды исчезали под рыхлыми краями, опять вспыхивали, вновь гасли. Тускнели окна в соседних домах, из дворового провала поднималась темень и широкими лентами реяла перед окном. Ледяная декабрьская ночь заползала в комнату. Он поёжился, вздохнул и, будто в ответ, услышал её голос:

– Думаешь, я сплю? – Лави сидела на подушках, опершись спиной о стену.

В тёмных глазницах стыл неподвижный, пугающий взгляд.

– Скажи, что происходит? Тебе плохо со мной? – Сва сел рядом, обнял, посмотрел ей в глаза, пытаясь разглядеть в них знакомый тёплый свет.

Она покачала головой:

– Я тебе скажу, кто я, и ты всё поймёшь.

Сва тут же закрыл ей рот поцелуем:

– Не надо, я не мальчик.

– Совсем не то, подожди! – Лави отстранилась и закрыла лицо руками, а когда отвела их, он услышал другой, хриплый голос:

Я пришла в этот мир, чтоб исчезнуть,
в поцелуях чужих...

Сбилась, миг помолчала:

в поцелуях слепых раствориться.

Глупо верить, любить и молиться
на краю торжествующей бездны.

Закрыв глаза, она шептала всё тише:

Как расстаться мне с жизнью убогой,
улететь в синеву, словно птица?
Вижу всюду мертвенные лица,
слышу оклики смерти...

– ...из гроба, – сквозь зубы выдохнула и в упор, мрачно
глянула. Стало нестерпимо. Сва рывком поднялся, шагнул к
окну, вплавил лоб в ледяное стекло и с силой зажмурился.

– Дальше там про Бога и ещё... – услышал за спиной. –
Не хочу продолжать. Пойми...

Он обернулся, опять сел рядом. Лави прижалась к его плечу,
провела ладонью по груди:

– Я должна была встретить тебя намного раньше, тогда бы
я так не написала. После всех мэнов, которые у меня были –
не обижайся только! – вдруг, под конец, встретился ты.

– Какой конец, ты о чём? – перебил он и, не замечая обиды,
с ласковой силой тряхнул её за плечи.

Лави будто ничего не слышала:

– Встретился, когда уже страшно стало полюбить. А так
ждала любви, всё бы за неё отдала. Но теперь не могу, ты со
мною погибнешь. Лучше я одна...

Он закричал и вскочил с кровати:

– Это креза полная! Забудь эти слова! Забудь свои стихи проклятые!

– Забуду эти – будут другие, ещё хуже.

– Ты должна всё забыть! Все свои мысли чудовищные!

– А как забыть? Неужели не чувствуешь, что смерть всегда рядом?

– Нет, прошёл этот юношеский бред! Осталась только любовь, – Сва опустился на пол перед нею, ужасаясь своей догадке, спросил. – Ты что, на наркоте подседа? Скажи честно! У тебя клины. Брось, Лави, умоляю! Всё пройдёт, мы с тобой будем вместе. Я полюбил тебя, это навсегда.

Она опять сорвалась в бессильный плач:

– Раньше всё было так ясно. Просто, до ужаса. Я только ждала, когда всё кончится. И вдруг появился ты.

– И вдруг появилась ты! – с силой вскрикнул Сва. – Теперь всё будет по-другому! Любовь всё изменит, веришь?

Она жалко улыбнулась и замотала головой, не вытирая слёз:

– Я слишком далеко ушла. Слишком поздно. Невозможно любить, умирая.

– Почему, умирая? Не говори так, не мучай себя и меня!

Она долго смотрела в пустое окно, будто чего-то ждала или слушала в себе:

– Милый, мы ведь не навсегда родились – только на миг. На миг, как ты вчера спел мне, помнишь? С первого удара, ещё девчонкой, я почувствовала, что в жизни всё будет

страшнее, что я не вынесу. Так и случилось, судьба моя такая. Если б ты знал... Для меня всё кончено на земле, почти всё, – она отвернулась и закончила ломающимся шёпотом: – Уже столько времени мои поцелуи – как в лицо смерти. Даже с тобой я не могу от этого избавиться. Нет сил жить.

По телу вместе со страхом прошла летучая колкая дрожь, и Сва похолодел.

– Один монах сказал, что я порченная. Что блудница, грешница, что бесноватой скоро стану... Не знаю, как отсюда вырваться, от себя спастись, – глухо выдавливала она слова и вдруг залилась слезами: – Боже, помоги исчезнуть! Хоть в этом помоги!

– Не могу слышать! – закричал он, вскочил и закачался от неожиданной дурноты: – Тошнит что-то...

Сва не помнил, как и зачем оделся. Будто собрался по непонятному делу уходить из дома, но в последний момент застыл у окна, глядя вглубь комнаты. Лави сидела на кровати, опустив голову. Свесившиеся волосы наполовину закрывали лицо, грудь странно светилась в темноте.

– Что, стрёмно со мной? – посмотрела исподлобья, с тяжёлой усмешкой.

Он не ответил. Не одеваясь, Лави опять подошла, потянулась обнять. Потом передумала и села к столу, нащупала сигареты:

– Куда же ты собрался из собственного дома? А я винца выпить с тобой хотела. Или хоть чаю попить, – она выдохну-

ла дым, рассеянно огляделась и покусала губы. – Жаль, травки нет, было бы в кайф... Ладно, я и так с тобою улетела, даже не верится.

Её нагота тянула и тихо корёжила тело, а душа цепенела, сжималась в бессильный комок. Сва слышал голос Лави, но почти не понимал слов:

– Видишь, я тебе уже всё отдала. И ничего другого, лучшего, у тебя со мной не будет. Вот в чём ужас... Всё бессмысленно. Нет никакого Бога, есть лишь глупые мечты о любви и счастье. Мне надоел этот абсурд, называемый жизнью, а тебе ещё нет. Разница между нами только в этом, только. А в остальном мы слишком похожи. И мне страшно за тебя. Не за себя – я уже давно всё поняла.

Перед глазами темнела, кружилась комната, и посередине сидела Лави. Он отвернулся. Хотелось, чтобы всё превратилось в идиотскую шутку, чтобы она расхохоталась, чтобы исчезла невыносимая тяжесть, повисшая в комнате.

– Ты бы оделась. На ведьму слишком похожа, прости, – прошептал Сва и закрыл лицо руками.

– Да, похожа, время от времени. Ты не первый, кто заметил.

– Хватит! Не могу больше! Ты всё придумала! – сорвался он на крик и сжал зубы, чтобы прийти в себя.

– А мне гнуснейшей придумкой кажется наша жизнь, понимаешь? Даже встреча с тобою – как насмешка, когда жить уже сил не осталось. Внутри всё сожжено. Моя нежность...

Кому она была нужна? Только моё тело – как закуска после вайна. От него ведь, чёрт возьми, не убывает! Клёво, скажи? А? – она откинулась на стуле и зашлась в плачущем смехе.

Сва зажмурился, как от пощёчины, руки стали мелко дрожать:

– Что-то мне совсем тяжело стало. Пойду ну улицу, подышу, – пробормотал он и выскочил из квартиры.

Забыв о лифте, стремглав слетел по лестнице вниз. Хотелось сделать что-то непоправимое, разрушить какое-то проклятие, что-то ненавистное сломать в этом мире. Он бесильно вскинул кулаки к небу и неожиданно для себя побежал. На улице не было ни души. Светили никчёмные фонари. Истоптанный, разъезженный шинами снег то скользил, то хлюпал под ногами – детская площадка, кусты, дымящаяся яма теплотрассы, гаражи, соседний двор, опять кусты, дырявый бетонный забор, помойка, заснеженные автомобили, дома, дома...

Сжиженный холодный воздух с шумом втекал и вытекал из груди. Потемнело в глазах от изнеможения, и Сва перешёл на шаг, завершая большой бессмысленный круг. Сбоку показалась красная горящая зазубрина метро. По снеговой тропинке он пересёк знакомый двор – мимо стайки обугленных холодом деревьев, около беседки и обледенелой скамейки – и остановился.

– Наглоталась колёс, накурилась и шизанулась. На мраке съехала... Лучше не думать об этом, не думать ни о чём. По-

пробовать привести её в чувство, поцеловать, сказать «люблю». И больше никуда не отпускать. Мы вместе пойдём ко врачам. Я вытащу её, ведь есть же в мире что-то сильнее наркоты!

Колотило в висках, рвалось наружу сердце. Сва схватился за грудь и вдруг понял, что сделать ничего не сможет.

– Она меня не слушает. И врачей тоже. Как с ней жить? Что делать?

Он не мог представить, что скажет Лави, и бессильно брёл прямо по снегу. У самого дома жалость к ней кольнула так сильно, что Сва остановился:

– Теперь это моя истерика... Но что я могу? У неё креза жестокая. Её лечить надо. А как, если её жизнь в отврат? – и тут его полоснула по темени страшная мысль: – А если моя любовь, весь мир для неё – отголоски бреда? Если всё сожжено наркотой? Тогда ей только чудо поможет. Чудо, которого нет.

С этими мыслями, едва двигаясь, он повернул за угол. У подъезда на заснеженных ступеньках сидела Лави и смотрела в его сторону. Поднялась и пошла навстречу.

– Не хотела уходить, не попрощавшись. Хотя, что это меняет.

– Куда ты собралась? Сейчас... половина четвёртого. Пошли ко мне, чаю попьем, согреешься.

– Нет, я не вернусь. Поймаю тачку у метро и кончено.

– Я тебя никуда не пушу.

– Брось, ни к чему это.

– Нет!

– Силой что ли назад поведёшь? А что потом? Ты же погибнешь со мной. Зачем тебе?

– Тогда я погибну без тебя. Выбирай! – Сва схватил её за плечи.

– Я уже выбрала. И хочу, чтобы именно ты жил и любил. Любил всем сердцем, как ты можешь. Но не меня...

По её щекам текли слёзы, смывая остатки туши. Лави прижала к глазам носовой платок и быстро зашагала вперёд. Ледяной воздух сжал голову, заполнил тело. Коченея на ходу, Сва двинулся следом. До самого метро они не проронили ни слова. Там, на проспекте, Лави вышла на мостовую и застыла, глядя вдаль. Матово-чёрный асфальт серебрился под фонарями. Молчание стало таким тягостным, что он произнёс, дрожа в ознобе:

– Остайся хоть до утра. Успокоишься, завтра всё увидишь иначе. Остайся, Лави! Опасно ночью одной...

– Что? Что? – горько засмеялась она и повернула к нему заплаканное лицо. – Мне давно ничего не опасно.

– Давай вместе поедем, у тебя договорим, – он обнял её, погладил по мокрым щекам, поцеловал. – А если не захочешь, я вернусь на том же каре.

Сказал, не подумав, сразу пожалел и тут же услышал:

– Глупо это – провожать, возвращаться. Иди лучше домой! Что стоишь?

Тут он отшатнулся и закричал вне себя:

– Ты вместо придурка меня держишь, да? Зачем ты приехала? Зачем устроила это кино крезовое?! – вгляделся в её лицо, до крови прикусил губы, борясь со слезами: – Я для тебя просто никто, да? Да?!

– Ничего ты не понял, – прошептала она. – Не мог понять. К счастью.

– Нет, понял! Тебе срочно в психушку надо, лечиться! Насильно! Лави...

– А есть такая, чтобы вылечиться от этой жизни? Ты знаешь? – её глаза опять наполнились бархатистым нежным золотом – как тот, самый первый взгляд. – Я ведь хотела лишь попрощаться. С тобой, со всем на свете. Прости, Сва, любимый...

За их спиной урчал мотор. Она отвернулась и шагнула к притормозившему «Жигулёнку».

– До «Динамо»! – потянула приоткрытую дверцу.

– Я с тобой!

В ответ Лави сжала губы, замотала головой и с треском хлопнула дверь, будто говоря «нет». Мотор взревел, и неведомо откуда взявшаяся машина стала стремительно уменьшаться на чёрной дороге, на глазах превратилась в красный двоянный огонёк. Вскоре, нервно мигая, он двинулся в сторону и пропал.

Пошатываясь, Сва пересёк мостовую, постоял в тупом бездумье и побрёл домой.

Поздно утром на столе рядом с недопитым стаканом чая он увидел листок из её блокнота с запиской: «Про ведьму всё было неправда. Прости, любовь моя. Прощай. Навек твоя. Лави». Сел на стул, на котором ночью сидела она, перечёл прыгающую строчку и жестоко пожалел, что не догадался, даже не подумал взять у неё номер телефона.

В дауне

Весь следующий день Сва не мог придти в себя:

– Неужели она пришла только за тем, чтобы сказать «прощай»? В голове бесконечно повторялись, дробились в бессмыслицу её записка и последние слова: «попрощаться со всем на свете».

– Невозможно поверить. Она обкурилась, измоталась, в депресняк вошла. Как будто нет ни меня, ни её подруг – никого, кто её любит. У неё шиза глубокая, как ни ужасно. Одни стихи чего стоят. Вчера от неё таким ужасом повеяло. Немыслимо. Лави – умрана, умрада. В уме рана ада. Слышит зовы низов. Видит сны сатаны... Нет, я сам с ума схожу. Она же меня любит. Написала: «Навек твоя»... Верить в Бога смешно, но любить и не видеть в жизни никакого смысла – это же безумие, самое отчаянное! Какая-то адская отравка в мозгу.

От этих мыслей Сва сник. Вспоминал, как в день знакомства поразился её сияющим глазам и острой печали в их глу-

бине.

– Что с ней произошло за какой-то месяц-полтора? «Порченная»... Монах какой-то наговорил ей, а она отчаялась. Придушить бы этого монаха! Мы все не ангелы, все порченные, а он – самый первый! Ясно, её доканали. Но кто? Как она, Лави, могла на наркоте подсесть? Неужели в системе? Нет, вряд ли. С такими, как Дик она не общается... Теперь она отовсюду уйдёт, замкнётся в себе. А потом возьмёт и кинется. Сегодня, завтра. Она уже на пределе. Ей жить нечем. Ей только любовь нужна, огромная, настоящая! Ничем другим её не спасти. Простить себе не могу... Сегодня же найду её телефон, приеду к ней домой и никуда без неё не уеду. Перевезу к себе, а там посмотрим. Надо будет, вместе пойдём ко врачам. Всё для неё сделаю. Её ведь никто никогда не любил, вот в чём ужас.

Сва валялся на кровати, где минувшей ночью задышался, обнимая Лави, и мучался рядом с её призраком, вставал, бродил по комнате, садился к столу и, вглядываясь в потолок, шептал:

– Как я мог её отпустить? Испугался, подумал, что с ней не вынесу, не выживу. А не подумал, зачем вообще жить? Теперь, без неё? Лишь бы вытащить её из дома, оторвать от самой себя. Ничего не буду ей говорить, просто обниму и никуда не отпущу. Буду целовать, пока она мне не поверит. Она должна понять: всё только для любви создано – и весь мир, и наши две жизни! А если нет, то права она: кругом

только мрак.

В знакомый подъезд он вошёл с мрачными предчувствиями и сразу понял, что Лави в парадняке не появлялась. Там всё было как обычно. Бренчала гитара, курили, целовались, вели заумные разговоры, лишь Мади с недоумением взгляделась в лицо Сва и вопросительно подняла брови. Но ни ей, ни кому другому невозможно было рассказать, что произошло в минувшую ночь.

– Народ, как можно Лави рингануть? Кто знает? – не выдержал Сва.

– А разве она тебе свой номер не дала? – удивилась Мади.

Он нервно помотал головой:

– Я позвонить ей должен, срочно!

– Чё ты так застремался, старик? – ехидно спросил Потоп. – Подожди, может, заявится ближе к ночи.

– Что-то случилось? – всмотрелась в него Точка.

– Я... – замялся Сва, – я ничего понять не могу. Она вчера скипнула. Неожиданно, в самом глухом смуре. Даже не успел её ринг записать. Боюсь, теперь надолго пропадёт, если не хуже...

– Через силу не напрягайся. Она и раньше неделями пропадала, а потом появлялась, – флегматично заметила Глори. – Это же Лави, герла немного глючная. Но её и такую все любят.

– Я ей позвонить должен! Поймите же вы, – настаивал Сва и оглядывался по сторонам, ища поддержки.

– Проблема в том, что Лави не велела никому свой номер давать, – заявила Точка и подозрительно посмотрела, но встретившись с его затравленными глазами добавила: – Ладно, я сама ей отрингую. Скажу, ты просил.

На следующий вечер Точка растерянно заявила, что телефон Лави не отвечает:

– Не представляю, что могло случиться? Если через пару дней не дозвонюсь, поеду к ней домой.

Дик многозначительно улыбнулся и отвёл Сва в сторону:
– Тихарь, а такую герлу клеишь. Реально на ней съехал? – поймав взгляд Сва, запнулся и произнёс с некоторым сочувствием. – Ну, не ты первый.

– Старик! – перебил его Сва. – Ты что-нибудь о ней знаешь?

– А что?

– Позавчера она, ни с того ни с сего, до крезов дошла и слиняла – резко, среди ночи. Стрёмно что-то. Ты бы её послушал. Впечатление, что она вот-вот кинется. Что Лави, правда, торчит? Или она по жизни такая?

Тот выпустил вверх колечко сигаретного дыма.

– Ладно, как своему лучшему фрэндю, расскажу тебе. Только не здесь.

Они сидели в одном из ближайших подъездов, на заледевшем подоконнике, у самого чердака. Сквозь выбитый угол стекла в полутьму лестничной клетки втекал морозный пар, обволакивал бутылку портвейна и плавленый сыр. Но

Сва не чувствовал ни холода ни тепла.

– Короче, прогон тут такой. Лави... – Дик долго водил в воздухе сигаретой и с пьяной усмешкой заглядывал ему в глаза, – балдёжная чувиха, но с глюками. Я от неё сразу отвалил. У неё фазер генерал гэбэ. Она с ним за бугром бывала, на англише говорит, сингует классно, сам знаешь. Один штатник к ней в том году месяца два клеился. Она нам про него пару раз спичила. То ли мэридж хотел с ней замутить, то ли просто факнуть. Грины совал, презенты всякие, пока все свои дела в совке не завернул. Лави, похоже, его послала, хотя кто знает? Может, она в Штаты отвалить задумала, но обломилось?

– Не в этом дело, – Сва нетерпеливо мотнул головой. – Скажи, ты хоть понимаешь, почему у неё крыша временами едет?

Дик замер в пьяном раздумье, заглядывая в опустошённую бутылку:

– То, что она торчит – факт. Если по чесноку, не знаю, на одном пыхе или ещё на чём? Чува из другой тусовки базарила, уже года два назад, к Лави, вроде бы, один нарк прилип. Короче, полная гумоза. Она поначалу не врубилась, а потом, видно, слабо стало отшить. По фейсу мэн был вполне хипповый, на доске лабал и всё под неувязка несчастного-одинокого косил. Месячишко лав с ней давил, говорил, что ради неё на всех других забил, а потом затащил к каким-то гиббонам во флэтуху, типа стихи-песни послушать. Там все над-

ринчались, Лави втихую накачали дурманом и сами круто заторчали. Мэн клялся, что случайно всё вышло. В общем, я так думаю, прошлись по ней толпой разок-другой. А на следующий день она веняки себе попилила. Ну, и сходу в крестуху залетела...

Выпитое вино с неожиданной силой ударило в голову. Сва сидел, скрючившись на подоконнике. Перед глазами плыли тёмные пятна, лестничные ступени, оконная рама, комок фольги. Очнулся он оттого, что Дик вдруг обнял его и поцеловал.

– Ты что? – отстранился Сва.

– Ну, как что? Разве ты не пробовал?

– Спятил?

– И не хочешь?

Сва поднялся, посмотрел в его странно улыбающееся лицо и вытер губы:

– Если ты для прикола, то дерьмово получилось.

– А говорил... Ну, смотри сам. Пусть для прикола, ладно.

Тогда пошли.

Что он Дику говорил, Сва не понял, да и не старался. Из головы не выходил его рассказ о Лави, которому страшно, невозможно было поверить.

На следующий вечер Точка подошла к нему и хмуро сказала:

– Вот тебе телефон Лави, сам ей рингуй! Я дважды на её бабушку напоролась и такого услышала...

– А с Лави говорила?

– Она её даже не позвала. Не знаю, что там у них? Похоже, дурдом полный.

– Ты же хотела к ней съездить?

– Смысл, если там бабка крезует? Езжай, если хочешь, адрес дам. Но тебя и в подъезд не впустят. Она же в генеральском доме живёт.

Лишь на второй день, после его бесчисленных звонков, трубку подняли и сразу опустили.

– Лави! – успел крикнуть Сва, но услышал в ответ короткие гудки.

Ещё неделю он с угрюмым отчаянием звонил в неведомую квартиру. С каждым разом становилось всё яснее – телефон отключён, дозвониться до неё невозможно. Изнемогая от догадок и предчувствий, Сва каждый вечер плёлся в парадняк. Вопреки разуму, он надеялся встретить Лави или, неведомо как, хоть что-то о ней узнать.

d. Нот

Жизнь безжалостно продолжалась, будто ничего не произошло. Не дрогнуло небо, не обмерли от горя люди, не застих на заснеженных улицах глухой шум машин. Бесследно проползла над городом ещё одна сумрачная неделя. Каждое утро начиналось в вечерних потёмках, время тянулось через непроглядный день похожий на бледный оттиск ночи. Сва вглядывался в потухшее серое месиво, висевшее вместо неба, ездил в университет, маялся на лекциях, тенью бродил по коридорам, шёл в библиотеку, пытался читать, не запоминая ни строчки, и, бросив, направлялся в парадняк.

Там всё было по-прежнему, и его мутило от тоски. Вместе с сигаретным дымом что-то болезненно оседало в груди. Говорить ни с кем не хотелось, но и распрощаться с парадняком, обрывая последнюю связь с Лави, не было сил. И потому Сва несказанно обрадовался, когда в один из вечеров встретил Нота. С ним было легко. В тусовке его считали флавовым мэном, не вполне своим, но ценили. Он учился в консерватории, слыл в знатоком рок-музыки, безотказно давал друзьям послушать диски лучших западных групп. Нот жил у родителей, но по этому поводу не переживал, даже приглашал кое-кого из друзей к себе домой. С ним Сва сразу сблизился и уже не раз заходил в гости. Мама неизменно усаживала их ужинать, расспрашивала Сва об университете

и поминутно всплескивала руками:

– Только не говорите мне про рок-музыку и ваши тусовки! Слова-то какие ужасные, – а перед уходом в другие комнаты вздыхала: – Ничего, это пройдёт. Лишь бы вы людьми настоящими выросли.

В комнате Нота они забывали о времени, говорили обо всём на свете, пили крепчайший чай и, повернув звук, до полуночи слушали рок. Отец его был крупным музыкантом и чаще бывал не в Москве, а на гастролях, откуда привозил сыну на заказ любые диски.

– А сам ты что подделываешь? Как с родичами уживаешься? – как-то полюбопытствовал Сва, и Нот замялся:

– Пишу кое-что помаленьку, пробую себя... А с родителями проблем нет. Они у меня свободные консерваторы, я бы сказал. Отец мне говорит: «Ищи, но находи!» Покупает самые крутые вещи, но слушать отказывается, мама тоже – она в Гнесинке вокал преподаёт. Говорят: «кошмар», – Нот усмехнулся. – Понимаешь, у профессионалов к року отношение упорно отрицательное, даже у продвинутых музыкантов, кто не отвергает авангард. Я-то, в разной степени, принимаю всю музыку. Всю, понимаешь, начиная от фольклора, средневековья и классики. Но родители дальше Шостаковича и Бриттена не идут. Правда, и это немало... Наливай ещё! Это гималайский, копчёный, ты такого явно не пробовал.

Сердце бешено колотилось от выпитого и услышанного. Сва листал, не читая, английские и немецкие альбомы по ис-

кусству, разглядывал готические соборы, византийские иконы, обложки незнакомых дисков, лица неизвестных композиторов.

– Всё-таки просвети меня, что сейчас происходит в рок-музыке, в авангарде? Ты же всё знаешь, – спросил небрежно, скрывая жгучий интерес.

– Скажешь тоже. Я знаю... – мгновенно включился Нот. – Знаю только, что классическая музыка умерла. И что энергия творчества давно перешла от остатков авангарда к новому мелодизму рока, основанному на фольклоре и на старом симфонизме.

Он перебирал потёртые конверты, будто протягивал Сва связку ключей от разных дверей и предлагал войти:

– В роке есть всё – и гениальные взлёты и провалы в полное убожество. Противоречий полно. Арт-рок, который я весьма ценю, и спейс-рок освоили технику не хуже авангарда. Взять, хотя бы, электронику, синтезаторы у «Tangerine Dream». Кроме пустых наворотов в роке есть настоящие находки. Например, у «Флойдов» – соединение пения птиц и органа в «Cirrus Minor» или эпизод с мухой, бьющейся о стекло, в «Ummagumma». И всё же... Как ни печально, авангард и рок лишены главного для меня – сакральности. Основ для неё нет. Вместо этого – полёт в запредельное, поиск неслыханной выразительности, почти магических звучаний. У «Дженезис», «Йес», у «Флойдов» есть классные композиции вроде «Onward», «Starship Trooper», «Soon», «Wind And

Wuthering», «A Saucerful Of Secrets»... Впечатляет, даже если строго смотреть. Кстати сказать, «йесовские» вещи часто похожи на гимны, звучат, как молитвы. Но это особая группа, почти христианская по духу, хотя и с задвижками. В роке есть своя метафизика, которую упорно называют «психоделикой», к сожалению, больше тёмная, чем светлая. Есть до жути завораживающая красота, экстаз на грани небытия. А ещё – порыв отравленной души к небу, мольба невероятной силы. И тут же срыв в отчаяние, падение на дно и еще ниже, к адским безднам, увы... Недавно в который раз слушал «Stairway To Heaven» – ты ведь «Цеппелинов» знаешь, конечно. На чём держаться в полёте, если веры нет? На кислоте, которая мозг и душу разъедает? Почти, как и икону, кстати. Видел когда-нибудь результат? Мне приходилось – дотла, до мёртвой доски всё смыто. Я слушаю рок как музыкант, в слова не вникаю, для меня это просто английская заумь.

– Но ты же знаешь язык?

– Знаю, а как начнёшь вдумываться, или на пошлость нарываешься, или на мрак. Ладно, не будем об этом... В рок-музыке, именно музыке, есть немало реальных вещей. Хочу поставить тебе отрывок из «Timewind» Шульце, одного авангардиста, – вещь жутковатая, почти «песня смерти», – а потом «Awaken» – одну из самых светлых «йесовских» композиций. Сравни, многое поймёшь.

...Когда музыка стихла, Сва поднял голову и несколько раз растерянно моргнул.

– Ну, как? – полусерьёзно спросил Нот, не ожидая ответа.

– Если честно, Шульце, явно пугает, но как-то не зацепил.

А с «Йес» я на время просто исчез.

– Естественно... – опустив глаза, он кивнул, помолчал и задумчиво произнёс: – Беда в том, что, в рок-музыке полно убогой попсы. Слушать «AC/DC», «The Clash» или разные «пистолеты», когда косят под пьяных дебилов – или не косят, а так и есть, – невозможно и, кстати, ненужно! Так, познакомиться слегка, понять, что это тоже может кому-то нравиться, что человек безмерен ввысь и вниз. К счастью, в нашей тусовке «хард» и «панк» никому, кроме Дика, не катит.

– А почему?

– Потому, что Дик изнутри такой, приспущенный. Разве не видно? А «панк» – это, уже не музыка, а тупая долбиловка. Его суть – жажда беспредела, подростковая мечта о силе. Сам его дух фашистско-сатанинский. Одни названия чего стоят: «Nail Caesar», «Damned» и так далее. Как тебе? А знаешь их символы?

– Откуда?

– Кулак и окровавленный армейский ботинок! Неплохо для милых юношей и девушек?

– Мм-да...

– Вот именно. Может, из рок-музыки ничего в итоге не получится. Это начало огромного сдвига в культуре, а что будет потом, никто не знает. Но меня не это волнует. В какой-то момент я понял, что настоящая музыка – это не только твор-

чество, это путь – в религиозном смысле. Её нельзя просто слушать, вести о ней разговоры, писать трактаты. Для истинной музыки на земле уже почти нет места. Она вся осталась в древности и средневековье, когда жрецы или священники голосом общались с Богом – то есть пели, а все прочие слушали и впадали в экстаз. Понимаешь, у неё иная природа, чем у других искусств. Звук, мелодия были раньше слова и останутся, когда слово смолкнет. Ты, наверное, читал в Евангелии: «В начале было Слово...»?

– Нет, если честно, но слышал. Ты хочешь сказать, что в начале был звук? Музыка была раньше Книги?

Нот прервался и сменил интонацию:

– В начале начал на земле была дословесная молитва – источник всякой музыки. На самом деле, слово «музыка» ничего не значит. Для меня, это самое тягостное слово – оно всегда скользит мимо сути. Сущность звучания неуловима, все нотные знаки, все термины для её объяснения, – что уже глупо – только дорожные указатели, сделанные слепыми в стране слепых. Дорога всегда была и остаётся невидимой, потому что идёт по человеческим душам. С душой соприкасаются все смыслы, всё высшее и низшее.

– Значит, по-твоему, в музыке, – прости уж за это слово, – смысл всех вещей?

– Для древних так и было. Даже Лейбниц ещё отваживался писать о «звучании мира». А потом всё исчезло. Я без конца думаю, почему? Когда в древних текстах говорится о

начале вещей, о Логосе, Духе, Истине, Дао – говорится о том, что разные знатоки называют «музыкой» в газетных статьях. Или вещают по ящику. Я бы помолчал на их месте. Музыкальный звук – слишком тонкое орудие, им, наверное, никто сейчас не владеет. Это бесконечное в конечном, вечное в мимолётном, невещественное, пойманное мозгом и инструментом. И так далее. То, что мы называем «музыкой», для меня, – это путь к Богу, по которому Бог идёт нам навстречу. Вот, пожалуй...

– А если я не верю в Бога, о чём тогда говорить?

– Ты не принимаешь, как многие, слова «Бог», потому что, не веришь словам. Но я не о словах говорю. Вера может быть и бессловесной, как музыка – старинная, классическая, авангардная – любая, лишь бы от земли отрывалась. И молитва тоже. Для меня вера – это отпечаток бесконечного в подсознании. Нельзя услышать живопись, увидеть звук, познать истину негодными средствами. Орган веры – сердце, соединённое с умом. С помощью логики, философии, научного эксперимента её не опровергнешь. И словами никому не передашь. Тут нужна жизнь – музыка веры, если хочешь, а не только слово.

– Про какую веру ты говоришь? Про свою личную?

– Конечно. Для меня она вполне конкретна, заключается в православии.

– М-да?

«Именно заключается, как в тюрьме», – продолжил Сва

про себя, но не стал обижать друга. Объяснения Нота удивили и слегка обозлили: их можно было отнести к любой религии. К тому же православие казалось ему слишком поверхностным и жёстким, мешало тому необъяснимому мышлению, которое он называл для себя «Богом».

– Допустим, хоть это и смешно, – насупился Сва: – У всех мозги не так мыслят, душа не так устроена, уши ничего не слышат, а православные верят правильно и потому постигают невыразимое и бесконечное. Но в кого верить-то? Почему именно Библия всё объясняет, а не индусские «Веды», например? Ты ведь, наверняка, Библию читал. Как ты к ней относишься? И вообще – к попам полуграмотным, безмозглым старухам?

– Да, я целый год её читал... – Нот не ответил на колкость. – У нас в семье был священник, от него осталось с полдюжины церковных книг и Библия. Честно скажу, в ней непросто смысл уловить, отделить небесное от земного. Но так не только в христианстве, кстати говоря, в других религиях тоже – священное смешивается с человеческим, немощным, иногда диким. И потом, пойми меня правильно, истина открывается не одним лишь православным, а всем, кто искренне ищет. Разумеется, всем по-разному.

– Слава Богу, – Сва кивнул с явным облегчением. – Я Библию только по цитатам знаю. Интересно, конечно... Но, может, не стоит трудиться – целиком её читать?

– Если ты ищешь истину и смысл жизни, прочесть нужно.

Хотя бы для того, чтобы всерьёз подумать и сделать выбор. Какая без этого свобода, согласишься?

– Пожалуй. Но как прочесть-то? Её ведь достать невозможно.

– А ты хочешь?

– Ну, неплохо бы... – заколебался Сва, – после наших разговоров. Нот слегка покраснел:

– Мама вряд ли даст из дома нашу Библию, к тому же надолго. Понимаешь, её нельзя читать залпом, как роман, изучать, как философский трактат. Раньше люди целую жизнь Библию читали, и так – уже второе тысячелетие. Но если хочешь, вот тебе, дарю! – он многозначительно посмотрел, отыскал на полке и протянул Сва маленькую книжицу в синем пластиковом переплёте. – Забугорное издание. Сунули мне на одной из тусовок, не помню, кто и где. Тут не весь Новый Завет, а только четыре Евангелия, но для начала тебе хватит. Только, осторожнее будь! В метро такое не читают, ты же понимаешь.

Сва изумлённо развёл руками и что-то пролепетал про «классный подарок». Нот отмахнулся:

– Брось, ясно же, что тебе это нужно... А сейчас ты должен кое-что послушать, – он поставил очередную пластинку: – Я тут самое важное выбрал.

Через несколько минут Сва стал изнемогать. Кто-то властно ломился к нему в мозг, кричал от тоски, изнемогал в страхе, медленно топил его в хаосе, сам тонул и звал всё глубже,

в запредел. Но затем всё внезапно рассеялось, и с концом мелодии в душе возникла невыносимая грусть.

– Обломно как-то, – признался Сва, когда наступила тишина. – Такое отчаяние... Что это было?

– «King Crimson», в подарок от Лави получил, – Нот протянул диск. – У них немало отличных вещей: «Walking on Air», «The Power To Believe» и ещё мог бы много чего назвать – «Inner Garden», например. Но слишком много тоски, самой отчаянной, я с тобой согласен. Есть группы убойной тяжести, но Лави, как видишь, и этого хватило... Отец купил ей «Кингов» за бугром. Так, наобум, потому что Лави попросила что-нибудь новое привезти. Признавалась, что слушала всё до умопомрачения, но больше всего западала на самой последней вещи – «One Time». Она даже спела её однажды в парадняке.

– Последняя? Мне она тоже понравилась, хотя и очень грустная. Но остальное... Как Лави могла от такой безнадёги повестись?

– Тут дело не в музыке, старик, а в её душе.

Сва кивнул, закрыл глаза. Вспомнил прощальный разговор с Лави. Чтобы не понесло назад, в ту жуткую ночь, встал, шагнул к выходу, спешно пожал руку удивлённому Ноту и глухо сказал:

– Прости, что-то меня ломать от всего стало. Слишком устал. Пока. И спасибо...

Письмо на снегу

Тот разговор с Нотом Сва хорошо запомнил. Оценил и его подарок, хотя забугорную книжицу даже не открывал. Лави отовсюду исчезла. Ни на одной из знакомых тусовок о ней никто ничего не знал. Сва сходил с ума от мрачных предположений, но как-то утром, в непривычный час, ему позвонил Нот, и он услышал то, чего так боялся:

– Лави в психушку положили, вчера. И, скорее всего, надолго. Подозревают суицидный комплекс, – добавил после вздоха: – Теперь халаты её просто так не выпустят, до упора залечат. Представляешь?

В тот же вечер, страшась своих мыслей, Сва примчался к Ноту домой и тут же начал:

– Не знаю... Но боюсь, всё это из-за меня случилось.

Сбиваясь и часто замолкая, он принялся рассказывать об их последней встрече с Лави. Едва начав слушать, Нот покачал головой и прекратил его самоистязание. Встал и начал расхаживать между окном и дверью:

– После твоего рассказа немного понятней стало. Уверен, ты её никак, ничем... – он пристально глянул и отвёл глаза. – Я от её бабушки узнал. Лави в сильнейшем кризисе, в последние дни никого не хотела видеть, отцу устроила жуткую сцену, отказывалась от лекарств, от еды. С каждым днём всё хуже было. Пришлось насильно везти её в больницу, где-

то на Яузе находится. Думаю, что к лучшему, иначе, вполне возможно, повторилась бы та чудовищная история...

– Это с венами? – встрепенулся Сва.

– Да.

– Скажи, почему она это сделала? Что вообще с ней происходит, ты знаешь?!

Нот скорбно скользнул взглядом по его лицу, сел в кресло, помолчал:

– Я знаю Лави два с лишним года. И всегда за неё боялся. Мы одновременно вошли в систему. Я – через музыку, а она... – он прервался, их взгляды опять схлестнулись, – она тебе что-нибудь о себе рассказывала?

– Почти ничего. Слышал, что живёт в генеральском доме, с бабушкой. Провожал её один раз, на «Динамо». Говорила, что любит поэзию. И что в её жизни один мрак, что жить не хочет... – Сва уставился на друга большими глазами: – Почему так, ты хоть понимаешь? Лави в кресу из-за наркоты попала? Или из-за меня?! Скажи!

Лицо Нота помрачнело, он снял очки, опять надел, вздохнул:

– Не знаю. Послушай и сам понять попытайся... Отец Лави, правда, генерал. Из полисов или с Лубянки, мне неведомо. Года два или три назад, после смерти её матери, ушёл к молодой жене, чуть старше Лави, и с тех пор у неё с тёщей почти не бывает. Лави от такой жизни давно плющит, но первый раз она вошла в депресняк – до крезов, понима-

ешь? – совсем не из-за отца. Её бабушка маме моей по дружбе рассказала – они давно на классической музыке сошлись и к тому же в одну церковь ходят, но не важно, – Нот остановился у окна и медленно провёл пальцами по заиндевевшему краю стекла. – Знаешь, у меня до сих пор кровь леденет... Лави было восемнадцать, только что в Ин-яз поступила. Красивая, умная, все в неё влюблялись. Один художник тоже влюбился, немного безумный, как бывает у талантливых людей. Добрый был, много старше неё и, как видно, очень одинокий. Дарил ей свои рисунки – симпатичные пейзажики с церквушками-деревушками – и всё хотел её портрет написать, умолял в мастерскую к нему прийти, позировать.

Она отнекивалась, смеялась. То ли он ликом ей не понравился, то ли считала его шизиком, то ли папа не одобрил – неизвестно. Когда Лави дала ему понять, что знакомство закончено, он, – его звали, кажется, Сигарёв – словно с ума сошёл. Начал носиться по Москве, по друзьям, знакомым. Накануне Нового года стал всех обзванивать и умолять, чтобы к нему в гости приехали, хоть кто-нибудь. Никто не понимал, что с ним, но не придали значения. Одни отказались, кого-то дома не было, кто-то сказал, что приедет сразу после праздников. И к себе его тоже никто не пригласил. Такие друзья оказались... А после Нового года, когда начали к нему названивать, выяснилось, что он пропал. Мастерская открыта, а его нет. Много дней его искали – с милицией, в розыск объявили. И нашли в лесу, недалеко от Москвы, на-

смерть замерзшим. Говорят, рядом на снегу валялась папка для рисунков и лист с начатым женским портретом. На нём карандашом было косо написано много раз одно и то же: «А любовь не умирает. А любовь не умирает...» Представляю, такие корявые, друг на друга налезшие буквы.

Сва шумно выдохнул и, согнувшись в кресле, закрыл лицо:

– Ужас! А Лави?

– Она об этом ничего не знала. Но через какое-то время её, как свидетельницу, на дознание вызывали. Рисунок этот показали, а она в нём – представляешь? – себя узнала! Или ей померещилось? Трудно сказать. А еще эти предсмертные каракули... В общем, через пару дней Лави в кресу загремела. Выписалась, впала в глухой смур, ушла из института, всё забросила, держалась только на таблетках. И тогда одна подруга привела её в парадняк. Тут у неё новая жизнь началась. Из тусовок не вылезала, на гитаре начала играть, петь, песни сочинять, стихи. Все её сразу полюбили...

Нот отошёл к окну, голос его дрожал:

– Она слишком доверчивая была. А после истории с этим художником всё боялась кого-нибудь обидеть. Всех любила, в больницы к знакомым ездила – прямо сестра милосердия. Непостижимо! Добрая, красивая, тонкая необычайно, а напоролась на мерзавца. Мелькал тогда у нас в парадняке тип один, клеился к ней. Можешь догадаться, что он с ней сделал, если она опять в психушку залетела, и уже надолго, ме-

сяца на три. А потом... Я чувствовал, что она на наркоту садится. Сколько раз пытался её отговорить, хотел помочь, другом хотел быть. Не вышло. Понимаешь, она сломалась. От боли.

Нот прервался и бессильно смолк.

– Значит, всё началось задолго до меня, – произнёс Сва и мрачно спросил: – Скажи, а что это за история, в которую она год или два назад попала?

– То есть?

– Дик говорил, вроде бы её несколько ублюдков, сообща...

– Кому ты веришь? – Нот поморщился и замотал головой: – Если б такое случилось, её отец всех бы по стенке размазал. Нет, ей и одного уroda хватило. Такая вот чудовищная судьба...

Проснувшись среди ночи словно в разгар дня, Сва, щурясь от слёз, представил по кинофильмам и книгам, как Лави насильно вкололи дозу транка, погрузили в крезовоз и привезли в больницу-тюрьму с женской охраной в белом и решётками на окнах.

е. Дом на Язуе

Первая утренняя мысль была немедленно ехать к Лави и попытаться её повидать, хотя бы передать записку и букет цветов.

– Нот, ты знаешь фамилию Лави, её цивильное имя? – телефонная трубка прилипла к вспотевшей руке.

Слушая сонный голос друга, Сва едва сдерживался от нетерпения.

– А что ты надумал?

– Хочу к ней в больницу поехать.

– Вряд ли получится.

– Почему?

– Я слышал, к тем, кто там, только близких родственников пускают.

– А друзей, самых близких?

– Не уверен. Ты когда-нибудь бывал в таких заведениях?

То есть, навещал кого-то?

– Нет.

Нот вздохнул:

– Лучше для начала с её бабушкой посоветоваться, она-то к Лави точно ходит.

– К чёрту бабушку! Лави там погибает! – сорвался Сва, но тут же опомнился. – Прости.

– Ты хоть представляешь, где больница?

– Нет, подскажи! Где-то на Яузе, ты говорил.

– Да, надо на метро до Преображенки ехать. А в каком она отделении? Ты же не знаешь.

– Разберусь. Спрошу у кого-нибудь, у главврача, не важно.

– Это ведь женское отделение, вряд ли тебя туда пустят.

– Она же не среди буйных. Неужели нельзя букет цветов передать, издалека пару слов сказать? Это же бесчеловечно. Каково ей там, представь!

– Предельно тяжело, что говорить... Сва, дорогой, раз надумал, поезжай, вдруг получится. А когда вернёшься, позвони. Нет, я сам тебе позвоню. Записывай имя и фамилию!

Сва захлопнул блокнот и тут же оборвал разговор:

– Спасибо, пока!

Целый час в центре Москвы он искал свежие цветы. Шёл январь, и до грузин с мимозами было ещё далеко. На улицах порхали редкие снежинки. Лишь в одном цветочном магазине ему, что-то разглядев в лице, вынесли комнатную фиалку – бледно-голубую, трепетавшую в маленьком горшке. Неся цветок за пазухой, словно котёнка, Сва замедлял шаги и время от времени дышал на лепестки, оберегая от мороза. В метро расстегнул куртку, взял фиалку на руки и попытался уловить её запах. Пахло землёй – весенней, только что оттаявшей. Улыбнулся, отгоняя печаль:

– Принесу ей первую проталинку – в знак надежды, пусть не с подснежником, а с фиалкой.

Как найти психбольницу, подсказал полис и внимательно

проводил взглядом. Сва бродил между корпусами, глядел в незрячие, зарешёченные изнутри окна. Впервые в жизни был он в подобном месте. Отовсюду веяло тихой неведомой жутью, казалось, вот-вот из-за оконных стёкол, из дверей, из-за угла раздадутся душераздирающие крики. Между зданиями потерянно ходили по снеговым тропинкам одинокие люди, а прямо навстречу шла женщина в шубе, её голова была нелепо закутана в шаль. Она остановилась, повернула к Сва лицо со страдальческими, слёзно-серыми глазами в коричневых глазницах и спросила:

– Скажите, когда наступит весна?

– Э-э... – замялся Сва, испуганно вглядываясь в странное лицо.

– Вы тоже не знаете. Никто не знает.

Она отвернулась и медленно зашагала дальше. Стало не по себе.

– Надо было сказать, что скоро, цветок показать, – мучался Сва и не мог понять: – Кто эта женщина? Глаза, как у мученицы. Почему она здесь ходит? Неужели и Лави станет такой? Или уже стала?

Секретарша главврача оборвала его на второй фразе и отправила в приёмное отделение. Едва он открыл там рот, женщина в белом халате раздражённо крикнула, будто давно была с ним знакома и в который раз гонит прочь:

– Не понимаю, чего вы от нас хотите? Здесь приёмное отделение, здесь больных нет!

Пришлось долго молчать, умоляюще блистать глазами, перетаптываться у входа и ждать её милости. Пахло хлоркой, в душном воздухе запах цветочной земли бесследно пропал.

– Ну, что стоите? Не надоело? Вы кто ей, родственник?

– Близкий... – двусмысленно ответил Сва.

– И не знаете, в каком отделении лежит?

Сва помолчал и опять просительно глянул:

– Так получилось. Отец с ней не живёт, мать умерла и бабушка заболела. Лучше было их не беспокоить.

– Идите, в восьмом она!

Через дверь восьмого отделения на него долго взирал железный глазок со стеклянным подвижным, пугающе зрячим зрачком. Грубый женский голос недовольно и глухо выпрашивал, зачем и к кому он пришёл. Потом дверь открылась, и толстая санитарка сердито глянула на Сва выпученными глазами:

– Цвиты ни принимаим, тока еду.

– Ну, пожалуйста, возьмите! Она – моя невеста, – добавил он сходу. – Весна ведь скоро.

– Што удумал. Цвиток принёс. Атчудил, жиних, – удивлённо пожевала губами санитарка и ещё раз оглядела его с головы до ног: – Сам-та ни атсюдова? Нибось, бывший?

– Это фиалка, смотрите какая! – Сва невозмутимо улыбнулся в ответ.

– Ладна, пазаву. Тут врачи всё ришають. Сиди здесь, – она указала на один из шатких стульев около покрытого кухон-

ной клеёнкой стола.

Сва присел рядом с дребезжащим холодильником и поставил цветок на стол. Стареющая женщина в белом несвежем халате, с напряжёнными глазами на бескровном лице вышла из-за двери, посмотрела на цветок и, уже более пристально, на Сва:

– Вы её брат?

– Я её жених, по сути... – поднялся он со стула.

– Понятно, – женщина помедлила, ещё раз кольнула взглядом: – Должна вас огорчить. Свидания с больной возможны только для членов семьи, для самых близких.

– Но она ведь почти одна. Семьи-то, по сути, не осталось. Мать умерла, отец ушёл к другой, бабушка болеет. Мы с ней должны были вскоре пожениться.

– Понимаю, но в её состоянии она не может видаться ни с кем другим.

– А что с ней? Очень плохо?

– Лечение идёт трудно, – уклончиво ответила врач.

– Ну, хоть на минутку повидаться с ней можно?

– Нет, я вам уже объяснила, молодой человек.

– Я для неё фиалку принёс. Передайте, пожалуйста! Это будет для неё как лекарство.

– В отделение передавать цветы строго запрещено. Тем более в горшках.

– Но почему?

– Ваша... невеста, как вы говорите, не должна видеть ни-

чего, что может её взволновать. Ей сейчас очень трудно. Понимаете?

– А записку можно написать? – Сва потянулся к блокноту.

– Записки больным передавать запрещено, категорически!

– Ну, если ничего нельзя... Возьмите хоть вы себе этот цветок! – отчаянно глянул на неё Сва: – Назад я его не понесу.

– Хорошо, пусть на столе остаётся.

– А она сможет его увидеть? Хоть случайно?

– Не думаю, прогулки ей пока запрещены.

– Скажите, надолго она у вас?

– Ничего не могу сказать.

– А если я через пару дней... через неделю приду, вы разрешите с ней повидаться? Я еду ей принесу, фрукты.

– Еды у неё предостаточно. Ей отец через день разные деликатесы пакетами носит.

– Вот как? Отец приходит... – Сва удивлённо замолк. – А если через месяц придти?

– Не знаю, что будет через месяц. Но, повторяю, посещать её могут только ближайшие родственники. Вы к таким не относитесь.

Вам понятно?

– Значит, бесполезно приходить?

– Абсолютно. Лучше наберитесь терпения. И скажите спасибо, что я не вызвала охрану и не спросила ваших докумен-

тов. Да-да! Вы ведь понимаете, о чём идёт речь, о какой уголовной статье?

– Но я же...

– Всего доброго.

– Вам также, – едва выдохнул Сва.

– Спасибо за цветок, – неожиданно, без улыбки, кивнула врач и скрылась за дверью.

Ему показалось, что напоследок в её взгляде мелькнула не угроза, а слабый отсвет человеческого сочувствия.

В тот же вечер они долго говорили с Нотом по телефону и поочерёдно тяжело вздыхали. Обоими владели тягостные мысли, о которых не хотелось говорить вслух. Но под конец, перед тем как сокрушённо опустить телефонную трубку, Сва вновь услышал слова, от которых его шатнуло и прижало к стене:

– Ясно одно, после больницы её надолго запрут в папиной квартире. И неизвестно, увидим ли мы её вообще. Теперь о ней можно только молиться.

f. Душа в свободном падении

О каких молитвах говорил Нот, этот милый чужак? Кому, зачем нужна эта чепуха, когда на душе мерзко от звериной тоски, бессилия, жалости к Лави и самому себе? Халаты вытравят из неё всё живое, превратят в убожество без пола и возраста, доведут до предела, за которым тенями бродят неведомые существа. Ужас – столкнёшься с нею лоб в лоб, а она тебя не узнает, даже не заметит. И будет где-то жить – долго, бессмысленно, как комнатное растение. Та, благодаря которой так ослепительно вспыхнула жизнь, неизвестно когда вернётся. Да и кто вернётся вместо прежней Лави, с её горькой, такой желанной любовью?

Восторженное пространство, разом открывшееся в груди для неё одной, заполнялось тяжёлой, пыточной болью. Сва было всё равно: спиться, вслед за Лави сойти с ума, сторчаться – лишь бы исчезла невыносимая тяжесть или попросту кончилась жизнь. Никого из друзей и знакомых не хотелось видеть. В жалкую пыль распадались прежние убеждения. Надвое раскалывался мозг, двоилось сознание, отказываясь осмыслить происходящее. Он не в силах был противостоять новой, мрачной одержимости, пытался выжить, как получится – стиснув зубы, закрыв глаза, махнув на всё рукой. Искал беспамятства, бесчувствия, забвения любой ценой.

В эти дни в тетрадке для записей появились полторы ис-

чёрканные страницы криво бегущих строк:

Смешно называть страсть безумием или как-то ещё. Никаких объяснений для неё нет. Всё придумано после, искажено рассудком. Тело боится слов, не понимает, жаждет провала в бессловесное, в миги иной жизни. Все слова от ума, а тогда наружу рвётся чистая заумь. Голова освобождается от мыслей, тело – от души. Почему, кем в нас заложено это влечение, которое и знать не хочет никакой любви? Почему плоть ликует, а сердце безмерно скорбит? Будто ты в очередной раз умер, и вместо тебя живёт другой человек, тянется к женщине, позабыв всё на свете – прежнюю жизнь, любовь, знания, поиски истины? Неужели мгновения выхваченного у природы блаженства важнее всех усилий духа? Взрыв телесной одержимости ценнее любой мудрости? Почему? Потому что тайна жизни выше нас, выше любви и греха? Жизнь начинается будто случайно, в ослеплении страсти, а нас, как своё покорное средство, отбрасывает прочь. Это непостижимое, сладостное проклятье приходит в юности – незаметное, как будущая болезнь. И вот ты уже другое существо. Тело опьяняется неведомой жаждой, сбегает от разума в дикий мир и не желает возвращаться. И по-другому жить не хочет, не может, страдает, сводит с ума, требует полной власти! Пусть лишь на несколько обморочных минут. Этого достаточно, чтобы поколение за поколением воспроизводить себя, ускользая от сознания и воли. От кого она, эта чёртова плоть, втиснутая в сердцевину естества? От Бога? Поцелуй,

объятия, нелепые движения больших детей. И вот она – это я, я – это она.

Несколько порывистых вздохов, жидкая жизнь рвётся наружу и плавит сознание. Но стоит открыть глаза, увидишь, как из невероятного далека бессмысленно взирает на тебя чужая, забывшая себя душа.

Против воли Сва вспоминалась череда похожих на юношеский ночной бред любовных встреч, в которых слепыми рывками жило одно лишь тело. Всё началось почти случайно, от отчаяния, когда внезапно и мучительно умерла его первая, три весны длившаяся любовь. Но озаренное восхищение, которое он жаждал обрести, не возвращалось, бесследно таяло в чужих глазах, терялось в одинаковых поцелуях, торопливых объятиях, пустых словах. В один из дней он понял, что нужно остановиться, омертветь и, медленно оживая, вновь начать искать ту, без которой жить не имеет смысла. И она появилась. Но сразу же, будто околдованная неведомой силой, выскользнула из объятий, ушла в нескончаемую ночь, туда, где безумие тьмой восходит из-за края земли и до самого неба заполняет мир. «Лави не вернётся!» – ужасался Сва своим предчувствиям, не желал им верить и не знал, как жить дальше.

Всё опять рухнуло, и его понесло по бессмысленному кругу. Он это понимал и мучался из-за своей скрытой ото всех жизни, в которой ни разум, ни душа почти не участвовали.

Каждый раз рядом с очередной знакомой в нём на несколько мгновений оживала тоска о потерянном счастье. Погружаясь в печаль, содрогаясь от мучительного, блаженного недуга, обречённо и неистово бился он в женском лоне, словно в нескончаемом тупике, пытаясь вырваться к настоящей любви, к истинной свободе...

Все его новые подружки были далёки от хипповых тусовок. С первой, которая в шутку называла себя «художницей тела», он встретился в выставочном зале на Кузнецком. Стоя рядом, они пару минут разглядывали полотно с налётом модного полузапретного сюра. В каштановых волосах незнакомки виляла чёрная бархатная ленточка, похожая на хайратник.

– Вам нравится эта картина? – не удержался Сва.

– Не очень. Хотя любопытно, – она улыбнулась и многозначительно сверкнула глазами: – Я работаю интересней.

Через день художница, оседлав его, металась на диване своей мастерской, а Сва всё больше овладевала знакомая, приторная жуть. Пахло краской, пролитым вином и сигаретным дымом. В углах стояли сдвинутые холсты, на мольберте проступал начатый мужской портрет, на стене – лист ватмана с беглым, жёстким рисунком обнажённого натурщика.

– Я ведьма, – шептала она, – ты не знаешь, что это такое. От мужчин я беру силу, но взамен даю гораздо больше. Даю огненную страсть, дарю красоту моего тела – пусть восторгаются! Видишь? Это самое прекрасное произведение всех искусств.

Лицо её казалось грубоватым, но глаза полные пронзительной синевы, притягивали с неодолимой силой. Никто раньше не прикасался к нему с такой уверенной лаской. Руки легко скользили по волосам, лицу, вылепливали шею, плечи, грудь... Она была неотразима и, конечно, это понимала. Но Сва изнемогал, упорно избегал её взгляда, блуждающего без признаков мысли, и чувствовал, как стремительно раскаляется плоть.

Тело и душа разделились и, после мгновенного обморока, вновь соединились. Кто она, эта странная женщина? Художница поцелуев и объятий. Нагое лицо, голые губы, испарина страсти в глазах... Он гладил каштановые волосы, усыпанные золотистыми мазками завитков, целовал прориси подкрашенных глаз, литую грудь, где трепетали два розовых венчика, до одури вдыхал запах духов с примесью пота и терял рассудок.

Дня через три они встретились опять, и Сва заметил на её шее странный латунный крестик с нижней частью в виде фаллоса, округлёнными концами и треугольным ушком.

– Что это за крест?

– Ты не знаешь? Древний знак мужчины.

– Как это?

– Знак начала жизни.

– А я подумал, ты православная.

– Хх-о! Если хочешь, моя вера возникла много раньше христианства. Она вообще самая древняя на земле – внутри

всех религий.

– Это что за вера такая?

– Та, которую первой узнала Ева и потому стала женщиной, а Адама сделала мужчиной. И они родили всё человечество. Неплохо?

– А сами умерли и вслед за ними все стали умирать. Так что ли? Если по Библии...

– Да, но зато люди научились любить всем существом, а не как дети. Хочешь, я тебе его подарю?

Сва заколебался и покраснел:

– Нет, лучше сама носи.

– Ну да, тебе это не нужно. О-о, как бы я хотела стать женщиной!

– Зачем?

– Чтобы оплодотворять женщин, доводить их до экстаза.

– И всё?

– А разве этого мало? Иначе жизнь замрёт, как в монастыре.

– Боюсь, ты бы всех женщин распугала. Они выживают лишь там, где есть нежность – как рыбы в воде.

– Ничего ты не понимаешь. Нежность – это слабость. Ненавижу слабых! Женская душа безмерно одинока. А каждый мужчина, нет, каждый оргазм – это открытие самой себя. И наоборот, понимаешь? Ко мне устремились бы все истинные женщины, страстные, бесстрашные. Весь ужас в том, что таких мужчин почти нет.

– А те, что есть, тебя не устраивают?

– За редким исключением, – усмехнулась она и глянула на Сва, – особенно, когда этого не знают.

– Ты что хочешь сказать? – замялся он.

– Сразу видно, что ты русский.

– Не понимаю, какая связь?

– Ты ищешь любви, которой нет. Но есть гораздо большее – молитва плоти и души. Каждое соединение с другим, с другой – это мольба. Тебе не понять, а я кровью это чувствую.

– А ты разве не русская?

– Неужели не догадался, кто я?

– Нет, даже не думал, – усмехнулся: – Кто?

Она сверкнула взглядом:

– По матери я еврейка.

– Теперь вижу. У тебя глаза какие-то особенные, красивые – на грани безумия.

– Я знаю.

Сва глянул пристальнее:

– Скажи, а к кому эта молитва? К Богу что ли? Или дружок другу?

– Неужели не понимаешь? Кто нас такими создал? Того и надо просить.

– Допустим... А о чём просить?

– О том, чтобы жить – мне, тебе, всем, кто с нами. Только и всего! – сказала она без тени улыбки. – Не ищи вечной любви. Глупо. Есть только страсть – мудрая, древняя, свя-

ценная, без которой жизнь невозможна. Не всем эта страсть дана – лишь избранным. Ты ищешь женскую душу, сам не знаешь где, а она скрыта в женском теле, как мужская – в мужском.

– Значит, души без тела не бывает?

– Пока тело живо, нет. А потом уже неважно.

Они встретились ещё раз. Её неистовые ласки вызывали пресыщение. После бешеных ураганов хотелось томительно-го обморочного тепла, лёгкого солнечного удара. Но она не унималась, ничего не замечала.

– Я хочу написать тебя обнажённым. Да не пугайся! Поясной портрет. Мне важны твоё лицо и глаза, огонь желания, а не что у тебя там... И работать я тоже буду голой.

– Неплохая идея. Но с твоей фантазией тебе и натура не нужна.

– Нужна, неужели не понимаешь? – в её глазах бушевала страсть, едва скрытая усмешкой. – Ничего, поймёшь в процессе.

– Давай, в другой раз, – с трудом удержал её Сва.

Через день она позвонила и пригласила в мастерскую посмотреть его начатый портрет. Он долго отнекивался, искал всякие причины, чтобы отказаться.

– Если не хочешь меня видеть, так и скажи! – резко прервала она разговор, замолкла и вдруг расплакалась: – Я тебе глупость сказала в прошлый раз. Забудь. Никого я не хочу рисовать. Я просто хочу тебя видеть. Да, я странная. Это по-

тому, что у меня никогда не будет детей. Никогда! Это проклятье, понимаешь? Приезжай, мне ничего от тебя не нужно. Только немного тепла, – она стала рыдать и повесила трубку.

Сва бросился искать её телефон, открыл блокнот и замер.

– Немного тепла. Ей этого, явно, не хватит. Мне тоже, мне нужно всё. Вместе с телом нужна душа – да, она это точно угадала! – но душа, которая не в глубине тела, а где-то над ним, между губами и небом... Она с ума сходит, потому что детей не может рожать, кричит о каком-то проклятье. Я с ней дня не вынесу, лучше сразу расстаться. Как же её имя? Не важно, в конце концов. Ведь это была обычная случайная встреча, маленький несчастный случай.

На этом их знакомство оборвалось. Больше недели Сва боролся с искушением ей позвонить. Странные речи и страдающие глаза художницы не выходили из памяти.

– Молитва плоти. Скорее уж, заклинание смерти. Слепое, первобытное, сладострастное иступление. Ведь жить-то остаёмся не мы, а наши дети – вот в чём ловушка. Смысл в том, чтобы родились эти, хоть и родные, но совсем другие существа и выросли за наш счёт. Не понимаю, в чём проклятье – не иметь детей? А Лави, а другие герлицы? Таких людей полно. И я с нею был бы бездетным – неужели так же страдал бы? Нет, такой мистики мне не постичь.

Несколько раз возвращались к нему эти мысли, и Сва неуклонно гнал их прочь. Почти сразу у него возникло новое знакомство и вскоре закончилось. Потом было ещё несколь-

ко встреч, одна ничтожнее другой.

Вычитание чувств

Это была студентка с истфака. Они столкнулись у кассы университетской столовой, Сва растерянно шарил по карманам, собирая мелочь, чтобы расплатиться за обед.

– Надо же, кошелёк дома забыл, – виновато улыбался он кассирше, – только двадцать две копейки набрал.

– Молодец какой! Тогда не ешь. Ставь всё на место! Завтра приходи, когда кошелёк найдешь.

– Смеётесь? Ну, хоть суп и гарнир можно взять? Есть то хочется.

– На суп с гарниром тебе не хватит, – замысловато ответила кассирша.

– Хотите, я вам рубль дам? – услышал он за спиной голос и обернулся.

Девушка похожая на отличницу из провинции смотрела с улыбкой, но в небольших карих глазах таилась застарелая грусть.

– Взаймы, – добавила, поколебавшись.

– Ну, если в долг, то – спасибо. А то бы голодным остался, – Сва благодарно посмотрел на неё. – Я вам завтра же отдам.

– Да ладно... – опустила глаза девушка и поправила чёлку.

Обедали они вместе и тут же договорились, что деньги он

занесёт к ней в общежитие послезавтра, около восьми вечера.

Она была хорошенькая, приехала откуда-то с Дальнего Востока. Рубль положила на тумбочку, застенчиво улыбнулась и предложила чай.

– Вы продолжаете заниматься моим питанием, – весело глянул на неё Сва и неожиданно остался, хотя собирался ехать в библиотеку. – Никогда ещё не пил чай в женских общежитиях. Вы тут одна живёте, я вижу.

– Нет, просто соседка к подруге уехала. До завтра.

Он был абсолютно трезв, но на следующий день не мог вспомнить, как оказался в её постели. Она отворачивалась и молча, будто протестуя, отталкивала руки, когда Сва снимал её нелепую мамину одежду. Но сразу затихла в объятьях. Всё произошло так, словно они давно были знакомы. Она то задыхалась, то всхлипывала и, целуя всё сильнее, гладила его плечи. Среди ночи тихо коснулась щеки:

– Ты ничего не заметил?

– Нет, а что? – просыпаясь, сонно выдохнул он.

– Я до тебя была девушкой.

Сва решил, что она хочет выскочить замуж и прописаться в Москве. Насторожился, но сразу расстаться с нею не смог. После этого они несколько раз встречались у него дома. Она оставалась на ночь, и с каждым разом её ласки становились всё настойчивее.

– Дай, я поцелую тебя, там, – шепнула в один из приездов

и сползла под одеяло.

– Нет, умоляю... – Сва обмирал и тихо неистовствовал оттого, что женские волосы щекочут живот и его тело больше ему не принадлежит.

Он чувствовал какое-то постыдное, восхитительное унижение и недоумевал: «Зачем это ей? Чтобы получить надо мной власть?»

– Невозможно, нет, – стонал в подушку, выворачиваясь в сладостных судорогах.

Наутро он не мог смотреть ей в глаза, отстранял её губы и руки. На лестничной клетке она расплакалась и умоляюще ткнулась лицом ему в грудь:

– Почему ты стал такой? Что случилось?

– Давай лучше расстанемся. Я провожу тебя, до метро.

– Я тебе больше не нравлюсь, да? – всхлипывала она.

– Нравишься. Не в этом дело.

– А в чём? В чём?!

Всю дорогу Сва страдал от тоскливого онемения и ничего не мог с собой поделаться. Она пыталась его обнять, что-то говорила. Он лишь нетерпеливо вздыхал и, чтобы её не обжечь, отводил в сторону руку с сигаретой, в вестибюле метро промолвил, глядя в пространство:

– Как ты думаешь, почему за всё наше знакомство мы ни разу не сказали друг другу «люблю»?

– Я ждала от тебя! Ждала! Я боялась первой сказать.

– Но ничего другого ты не боялась. Как можно любить,

начиная снизу?

Она подавилась плачем, прижалась щекой к его плечу.

– Прости! Я дурочка, я хотела... хотела стать к тебе как можно ближе.

– Понятно... Что ж, может, ещё встретимся, – сказал он ничего не значащую фразу, чувствуя, что лжёт ей и себе. – Счастливо!

Отвернувшись, он исчез в людском потоке и сквозь шум услышал крик:

– Я люблю тебя, слышишь!

Вздрогнул, но не обернулся.

– Невозможна такая любовь, – шептал и брёл домой. – Когда нет никакого «потом», никакого будущего. Дурочка, конечно. Или просто любопытная, наслушалась подруг. Но как с такой жить? Вместо любви одинокая постель вдвоём.

Целый день, вечер, ночь и ещё несколько дней, вечеров и ночей Сва вспоминал её прощальный крик и не мог отделаться от угрюмой тоски.

– Только бы продержаться, только бы Лави вышла из больницы и забыла свой мрак! Это с нею я не договорил, с нею не долюбил.

Он был абсолютно трезв, но уже на следующий день не мог вспомнить, как оказался в её постели. Всё произошло так, словно они давно были знакомы. Она то задыхалась, то всхлипывала и, целуя всё сильнее, гладила его плечи.

После этого они несколько раз встречались у него дома,

её ласки становились всё настойчивее...

Наутро он не мог смотреть ей в глаза.

– Почему ты стал такой? Что случилось?

– Давай лучше расстанемся. Я провожу тебя, до метро.

– Я тебе больше не нравлюсь? – всхлипывала она.

– Нравишься. Не в этом дело.

– А в чём?

Всю дорогу Сва молчал, но ничего не мог с собой поделать. Она пыталась его обнять, что-то говорила, а он лишь нетерпеливо вздыхал.

– Что ж, может, ещё встретимся, – сказал ничего не значащую фразу.

Отвернувшись, исчез в людском потоке и тут услышал её крик.

Вздрагнул, но не обернулся.

– Невозможна такая любовь, – шептал он и брёл домой. – Дурочка, конечно. Но как с такой жить?

Всё произошло так, словно они давно были знакомы.

Наутро он не мог смотреть ей в глаза.

– Почему ты стал такой?

– Давай лучше расстанемся. Я провожу тебя.

– Я тебе больше не нравлюсь?

– Нравишься. Не в этом дело.

– А в чём?

Сва молчал, но ничего не мог с собой поделать.

– Может, ещё встретимся, – сказал он.

Отвернувшись, исчез в людском потоке и тут услышал её крик.

Вздогнул, но не обернулся.

Всё произошло так, словно они давно были знакомы.

Наутро он не мог смотреть ей в глаза.

– Почему ты стал такой?

– Давай лучше расстанемся.

Отвернувшись, он исчез в людском потоке.

Всё произошло так, словно они давно были знакомы.

Наутро он исчез.

Всё произошло так...

Всё.

Сва замечал, как его чувства пропадают одно за другим.

Первыми пропали восторг и страсть.

– Неужели во мне всё сгорело?.. Если так, чего я ищу?

Словно чудо, вспоминал он свои юношеские поцелуи и писал в тетрадке, пытаясь одолеть скорбь:

Как быстро исчезла эта очарованность – трепет, желание, которое выше всего, что за ним следует. Красота каждого взгляда, слова, движения, дурмящая нагота, тихое блаженство рядом с той, любимой. Поэзия во всём, неожиданные рифмы души с другой душой, тела с телом, поющие голоса чувств, вдохновение выше смысла...

Женская красота никогда не сможет себя познать. Только мужской любви открывается истинная женственность – блаженственность, движенственность,

боженственность – в лице, взгляде, голосе, руках, походке. Для чего нам эта приманка жизни? Чтобы на время забыть о её бессмыслице?

Ночами и наяву, он без конца переживал задыхающее-ся начало своей первой любви. Всё оборвалось нелепым, неправдоподобным, как долгая галлюцинация, расставанием.

– Идиот! Я всё выбросил! – в бешенстве кричал он и пытался отыскать телефон, по которому столько раз звонил – с робостью, нежностью, ненавистью, отчаянием... – А вдруг она не замужем? Вдруг ещё любит? Позвоню, скажу, что без неё жизнь так и не заладилась. А там будь, что будет. Лишь бы покончить с этим кошмаром, не начать пить и не сторчаться.

Над ночным городом шёл бумажный снег. Падали из прошлого разорванные в мелкие клочья страницы его стихов. Одна, две, несколько букв. Ничего нельзя было из них понять, никакого смысла в них не осталось: блю... те... я... лю... смер... гда... бовь... ощай... нец... нет... нет... нет... нет... .. . .

Два дня Сва болел гриппом и всё искал в записных книжках, пытался вспомнить вырванный, выброшенный, силою стёртый из памяти телефонный номер. Наконец, обозлившись на себя, с силой вцепился в волосы и крикнул:

– Раз так, провались всё пропадом! Всё-о-о!

Вздрогнул, услышав свой хриплый от долгого молчания

голос, очнулся и бледной полутенью поплёлся на филфак.

Никтожества

Надо было писать реферат. Сва не вылезал из библиотек. Но каждый день, несчётное число раз вспоминал Лави, стальной глазок в дурдомовской двери, её слёзы на ночном проспекте, их объятия и те мучительные стихи с которых всё началось.

– Почему она мне их читала? Именно тогда? Зачем затеяла этот разговор, похожий на приговор – самой себе, ему и всему на свете.

От бессилия что-либо изменить Сва подолгу закрывался в своей комнате, наедине с большим бесцветным небом. Никто ему не звонил, и он никому не хотел звонить. Даже Ноту, хотя каждый день, теряя надежду, всё ждал от него звонка:

– Если он и правда друг, объявился бы. Знает ведь, что без Лави мне тяжело, что загибаюсь один. Мне пары слов по телефону хватило бы... Значит и ему неохота со мной возиться, он только на музыке, да на церкви заворачивается. Ладно, пусть.

Лишь мама дважды пыталась выяснить, что с ним происходит, но вздыхала и отступала, страшась его угрожающего голоса: «Всё нормально. Денег не надо. Живу, учусь. Не болею. Всё идёт, как полагается. Всё, как надо...»

В глазах несколько дней стояли слёзы, приходилось скры-

ваться от соседей, лежать, шататься по комнате, подолгу смотреть в открытое окно. От зимнего воздуха медленно ledenело лицо и становилось легче. Два десятка любимейших книг оказались таким же собранием бессмыслицы, как и все остальные. Никому мудрость не помогла найти любовь. Даже гении всегда были несчастны. Талант бессилён перед жизнью. Красота не спасёт мир. Лави поняла это раньше других.

Увидев свою тетрадку на столе среди грязной посуды, Сва однажды записал:

Боль неизбежна. Остаётся принять жизнь, как заболевание, выживать в одиночку. Но для этого нужно хоть за что-то ухватиться, во что-то поверить.

Странно, одиночество не только сводило с ума, но и помогало. По-своему, словно наркотик: обволакивало, неделя за неделей создавало вокруг защитный слой – прозрачный изнутри, непроницаемый снаружи. Плотнело в плёнку, прирастало к телу, становилось привычным, как зимняя одежда. Сва уже не представлял можно ли ещё себя расстегнуть, раскрыться перед чьей-то тенью? Может, и да, но зачем? Кому он нужен? Ясно, никому. И потому в один из вечеров, когда соседка постучала в дверь и позвала к телефону, несказанно удивился. Звонил Дик:

– Старый, ты уже лет сто, как отовсюду скипнул! Правда, что со всеми растусовался?

– Да... – помедлил Сва. – А что?

– Из-за Лави, легко просечь. Я ж тебе говорил, она гер-

ла обалденная, но шизанутая. Фрэндихи глаголят, теперь надолго в крезуху залетела. Ты в курсе?

– Знаю.

Он с трудом выдавил из себя это слово и остановился. Бесила всё та же хамская лёгкость, с которой Дик говорил о Лави и обо всём на свете, хотелось немедленно бросить трубку.

– Ну, ладняк! Если тебе параллельно, то молчу.

– Скажи, как там у вас, в тусовке? – теперь Сва сам тянул разговор, понимая, что опять рухнет в глухую тоску, едва услышит короткие гудки.

– Вообще-то фуфлово, как всегда, – с охотой продолжил Дик. – Одни фёфелы тусуются. Но ты не бери в голову, заходи как-нибудь для оттяга. Хотя я теперь редко в парадняке бываю... Хочешь, смитингуемся, смотаем на один флэт улётный? Но тогда с тебя будет пара батлов вайна, за нас обоих. Согласен?

– А что там будет?

– Будет файново, обещаю! Давай стрелку забьём – завтра в девять вечера, «на Ноге». Там от метро несколько ярдов пройти.

– О'кей, – сказал Сва и тут же пожалел: от Дика ничего стоящего он не ждал.

– Кстати, заодно можешь мне должок принести. За шузы, – услышал в трубке. – Помнишь, четвертак за тобой остался.

– Вэл, – тоскливо ответил и мысленно добавил: – «Тухляк!»

Такие, как он, ничего без прайса не делают».

Цель звонка стала понятна, захотелось немедленно расплатиться и навсегда завязать с Диком. Даже если придётся опять просить деньги у родителей, приезжать к ним в гости, обещать на отлично сдать сессию, слушать советы о жизни, о женитьбе и так далее. Даже если надо будет почти месяц неведомо как тянуть до стипендии.

– Я для тебя потом ещё что-нибудь надыбаю, – не унимался Дик. – Давай, завтра в девять!

Больше месяца прошло после его ухода из парадняка. Неправдоподобным видением вспоминалось лицо Лави, её поцелуи, горячие зрачки, нежный осипший шёпоток: «Как с тобой кайфово...» Временами Сва останавливался посреди комнаты, квартиры, города от холодящей боли в груди. Он будто касался её губ, ощущал телом её тело. Кружилась голова, тяжело и жарко рвалась наружу плоть, тянула в воображаемые объятия. Ночами грезилось, что к нему с поцелуями подходили знакомые герлицы, и тут же возникало лицо Лави. Наутро Сва овладевала пьяная мучительная тоска, от которой ничего не помогало.

Перед встречей на Ноге, он весь вечер мерил шагами комнату, изнемогал и будто себя оправдывал:

– Некуда пойти. Совсем. Провались пропадом все хиппы. Без Лави в системе делать нечего. Жаль только, что Нот, единственный друг, от меня отшатнулся, видно, убеждениями мы не сошлись... Но какой толк в этой его забугорной

книжице? Не понимает он, что в мире зверей никакие книги, даже священные, ничего не изменяют. Лави чтением не спасти. И мне не помочь. Любовь не в книгах, а в людях. Или её вообще нет. У хиппов одни слова про любовь, пурга словесная... Что, опять сидеть дома? Будто не насиделся, не належался в этих стенах. Ладно, встречу с Диком, отдам ему поганые его деньги и на всём поставлю крест... А вдруг на этом флэту встретится не фуфло, а какая-нибудь симпатяга? Хотя какие знакомые могут быть у Дика? Тьфу, не всё ли равно? Любые уродины, любые петунии лучше, чем смертная тоска. Была бы рядом Лави, я тут же послал бы всех к чёрту!

В метро, медленно свирепея, Сва прождал Дика минут двадцать и, если бы не долг, не думая, ушёл бы. Наконец, тот явился, чуть пошатываясь. Увидев его пляшущие глаза, Сва ещё раз пожалел, что согласился куда-то с ним пойти, но две бутылки портвейна были уже куплены и лежали в спортивной сумке.

– Держи! – сунул он Дику четвертной.

– Сори, опоздал чуток! Но мы не в Лондоне, – так же, не здороваясь, бросил тот и, не считая, сунул деньги в ксивник. – А это тебе! Литл гифт, чтобы фрэндов не забывал. Потом, когда прайс будет, отдарить, – Дик протянул тёмно-жёлтую брезентовую сумку на длинной лямке, отделанную кожей, с кучей карманов и застёжек. – Теперь ты в полном райте. Еловый бэг – мечта! С лейблом, видишь? Толь-

ко стёкла оттуда вытряси. Я в нём водяру на днях грохнул, осколки остались.

– Да, брось ты! Незачем мне, – покраснел Сва. – У меня есть.

– Вот эта? Подари её своей бабушке! – Дик усмехнулся. – Пипл таких не носит. Ну ладно, где батлы? Давай! А это – он кивнул на спортивную сумку – сверни, если слабо сразу выкинуть, и положи в бэг. Учить тебя надо, чувачок.

– Ну ладно, раз по дружбе, спасибо, – слабо улыбнулся Сва тому, что среди хиппарей кто-то ещё считает его своим, что одиночество не так уж безнадёжно. – Сумарь, правда, классный. Как раз для полного прикида.

– Фирменный сумарь я тебе ещё достану, когда у тебя сольди будут. Только попроси, – по-деловому закончил Дик. – Двинули! Да, чуть не забыл, вот тебе в придачу очки блэковые. Ну-ка надень!

Сва смутился, глянул сквозь тёмные стёкла и надвинул оправу на нос.

– О, точно по фейсу! Вид чумовой! – воскликнул Дик.

– Сколько с меня ещё?

– Мелочь не в счёт. Но дринкануть как-гибудь с олдовым фрэндом, уай нот?

Обижаться на Дика было бесполезно. Преодолевая неприязнь, Сва спросил, шагая рядом с ним:

– К кому идём-то?

– Сейчас увидишь. Такого кайфа ты точно имел, – зага-

дочно посмотрел Дик и не удержался от ухмылки: – Тут одна питерская герла к своим фрэндихам завалилась. Приглашают оттянуться прикольных мэнов.

Он вдруг почувствовал лёгкую знобящую дрожь:

– Холодно что-то.

– Сейчас согреешься, – хохотнул Дик. – Только не парься там, как дешёвый мажор. Ты со мной, не забывай.

Сва твёрдо решил, что от любой дури сходу откажется и пить будет самую малость: «Никто меня не заставит. Сбегу от них и всё, – говорил он сам себе, но в глубине души чувствовал, что ждёт его нечто другое. – Ладно, я не монах, в конце концов».

Дверь в квартиру старого дома после настойчивых звонков открыл голый по пояс качок – в джинсах, но босой – и тут же ткнул Дика кулаком в грудь. Он был явно не в себе:

– Ну, ты, кайфолом! Опять опоздал! – язык парня заплетался, в опущенной руке дымилась сигарета. – Я бы не открыл, но Лидуха сказала, что ждёт. Давай, в один заскок!

Они зашли в прихожую, куда свет попадал через коридор из кухни. Пахло куревом, прокисшей едой и ещё чем-то непонятным.

– Выгружай батлы! Что там у вас? – качок защелкнул цепочку на двери, бегло глянул на Сва и добавил: – Догонять будете на кухне. Вперёд! – он с грубоватой силой толкнул их в спины. – Сами в рум не рыпайтесь. Я вас кликну.

Он ушлёпал по коридору в комнаты. Из-за приоткрыв-

шейся двери стала слышной музыка, галдёж многих голосов, пьяные выкрики и девичий хохот. «Что-то твистовое, как в сельском клубе», – про себя отметил Сва и удивлённо про-
ронил:

– Весело вроде бы. А нас сходу отшили.

– Это Крюк, морда поганая, – недовольно и опасливо про-
бурчал Дик. – С ним лучше не базарить. Давай водяры при-
ем! Сейчас всё рассосётся.

Он вытащил из куртки четвертинку, сделал несколько глотков, гулко выдохнул и, не открывая глаз, протянул её Сва: – Держи, для разогрева! Клоуз кинем тут же. А то потом не найдёшь, я учёный.

Он странно хмыкнул и начал медленно раздеваться. Почти тотчас из открывшейся двери закричал женский голос:

– Дик, валите сюда! Чё вы там пасётесь?

Дверь тут же с треском захлопнулась и приглушила пья-
ный мужской бас:

– Лидух, ну ты даёшь...

Потом тот же девичий голос кого-то отчётливо и беззлобно от-материл. Дверь открылась снова, и вместе со взры-
вом хохота в коридор вышла миловидная герла с нагловатой,
хмельной усмешкой, в расстёгнутой шемизетке на голой гру-
ди.

– Пошли! – рыкнул Дик и полуобернулся на Сва, который всё ещё очумело стыл на кухне.

– Солнышки! – услышал он нежный голосок и, как только

она целиком показалась из-за коридорного комода, остолбенел: никакой другой одежды на ней не было, герла держала в отставленной руке бокал с вином, а другой обнимала Дика, прижимаясь к нему всем телом. – Май лав...

Они шагнули внутрь комнаты, и Сва заметил в приоткрытую дверь круглый стол, уставленный бутылками, тарелками и горящими свечами. От их огней по стенам и потолку плясали тени, а вокруг в сигаретном дыму, метались полуголые тела. В нос гадко пахло потом, алкоголем и простецкими духами. Сва мгновенно протрезвел и накинул куртку. Через миг за ним с грохотом захлопнулась входная дверь.

– Отстой. Стадо. Никтожества... – губы долго выплёвывали на асфальт одни и те же слова вдогонку за скачущими шагами.

До самого дома Сва изнемогал, пытаюсь стереть из памяти увиденное.

– Они же пустотелые! Как я мог куда-то пойти с Диком? Дебил, пень квадратный. А он меня за такого и держит! Хотя чем я лучше их? Мразь такая же.

Несколько суток Сва пытался избавиться от наваждения, исторгнуть отраву, колыхавшуюся внутри.

– Откуда же я знал? Даже представить не мог такое! Познакомиться решил, на что-то надеялся... – корил он себя и кривился в пьяной усмешке. – Дурак, захотел грязью лечить раны души.

Он уже выпил полный стакан водки, но это не помогало.

Мозг и вся комната наполнялась обжигающими видениями, будто он всё-таки шагнул вслед за Диком в поганую комнату. Бессмысленное листание книг, слушание тошнотворно знакомых пластинок из родительской коллекции, сонное отсиживание лекций на факультете – всё было напрасно. Одну ночь Сва спал, не гася света, точнее, пытался спать. Неукротимо буйствовало тело, пылала голова, ни с того ни с сего бешено заходило сердце. Без конца вспоминались пугающие, сделанные будто из цветной пластмассы, глаза качка.

– И у той герлы глазки были такие же. Они в этом притоне все были обдолбанные, иначе такое выдержать невозможно. Крыша треснет. Но может, у них и не треснет. Дик, наверно, круто там залетел. А мне теперь и без наркоты хватает ломки. Идиот! Я же чувствовал, что там будут не просто мочалки, а обязательно с какой-нибудь гадостью, и всё равно шёл! – стонал Сва от злобы на себя. – А если бы остался, точно сторчался бы. Я себя знаю... Хорошо, что с Диком за шмотки расплатился. Видеть его больше не могу. И всех хиппов в придачу. Хотя причём здесь хиппы? Это же выгребная яма, а не тусовка. В парадняке и герлицы совсем другие – милые, добрые... Пусть, но зачем они мне? Даже кисаться с ними – в лом, если Лави в крезе изнемогает. Жутко подумать: любовь в тюрьме, надвое разделённая больничной решёткой... Когда она вернётся, какой? Чего ждать – то ли спасения то ли казни? А что я теперь ищу? Новых девиц, что ли, на полчаса каждую? Стошнит разок в постели, и вся

любовь, – сжимал он ладонями лоб, а локти пьяно расплзались по столу среди бумаг и тарелок, под опостылевшей потолочной лампой. – С Лави я искал совсем не это. Я к её душе прикоснулся. Взглядом, губами. С нею моё тело исчезало, само становилась душой... Почему она сказала, что всё дала мне в первую ночь и ничего другого у нас не будет? Что нет ни души, ни Бога? А у самой именно душа и болит. Значит, есть, чему болеть. Слышишь, Лави? Ты там, в своей крезе, жить не хочешь, а я здесь без тебя погибаю. Если бы ты знала, кем я стал? Ужаснулась бы. Лучше бы мне остаться в той флэтыре, сгинуть, не выходя из ямы. Но слабо оказалось, вот и живу. Потому что я уже никто. Никтожество.

г. Гнилой флэт

К «олдам» Сва попал, вовсе не подозревая, что с ним случится в дальнейшем. Попал когда понял, что непоправимо гибнет. Он сбежал из системы, как из опостылевшего дома бегут в ледяной мир, зная, что остатки тепла вот-вот исчезнут. Никого, кроме Нота, в его жизни не осталось. Несколько дней Сва собирался с духом, чтобы ему позвонить, отыскал на полке Евангелие, прочёл первую страницу и закрыл. Ничего не лезло в голову:

– Причём тут эти отцы и праотцы, которые поколение за поколением рождали один другого? Как это всё с Богом связано? Ведь Бога родила Богородица от Святого Духа, это я ещё в школе знал. Чепуха какая-то... Постой, где-то тут про любовь должно быть написано: «Бог – это любовь.» Сколько я об этом слышал красивых слов, слов, слов. Неужели никто не понимает, что пустословие бывает смертельным? Допустим, найду я эти строчки, прочту, а как найти такое место на земле, в этом проклятом городе? Место, где всегда есть Бог и любовь? Где оно, кроме этой книги? Бог не может быть книгой, а книга Богом. Тогда зачем всё это? Как искать Любовь там, где нет любви?.. Надо всё-таки позвонить Ноту, больше некому. А если начнёт приставать с проповедями, повешу трубку. Извинюсь, чтобы его не обидеть, и исчезну. Он ведь верующий, потому, наверно, добрее других.

А я добрый? Не знаю. Никому зла никогда не хотел. Только с девицами в последние недели вёл себя по-скотски. Но другого они и не ждали, и не заслуживали. Если бы они любовь искали, я бы почувствовал. Но они искали то же, что я. Хотя, может, мечтали о другом: муж, семья, дети и тут же, втихую – зарплата, шмотки, квартира, машина, дача. И ради этого жить? Ради такого убожества? Они этого даже не понимают. А кто понимает? Только Лави понимала, и потому так круто на всё забила. Наверное, Откол понимает и в ужасе смеётся над собой, хиппами и этой дурацкой жизнью. Но к нему не подступишься. Нот тоже, пожалуй, по-своему понимает. Он один может помочь, только он. А если не поможет, грош цена его вере. Просто душу свою на земле удобно пристроил – Библию под голову, и спи до самой смерти. И всё-таки позвонить надо, хоть в последний раз. С единственной целью: всё предельно упростить, отбросить все иллюзии, мечты, надежды, вновь остаться одному, свести всё к точке. И перестать быть. В геометрии точка – мнимая величина. А в жизни, как в древнем землемерии, любовь – это место и время пересечения двух жизней, от которых не остаётся следа...

В отчаянии Сва написал поперёк записной книжки и тут же отбросил её в комнатный угол:

Где она, самая простая, человеческая, не божественная, не ангельская, а грешная, несчастная, горькая, как лекарство, любовь? Лекарство от смерти.

Наутро онемелыми пальцами он набрал знакомый номер.

Закрыв глаза, слушал гудки, не зная, что скажет через миг. В голове и груди холодела пустота.

– Алло...

– Сва, это ты?

– Да... Привет, Нот.

– Почему голос такой грустный?

– Ты находишь? Значит, так и есть.

– Брось, старик! – Нот помолчал. – Я понимаю, от такой жизни... Кому будет весело? Прости, что я сам не позвонил. Но я так рад тебя слышать, не поверишь.

– Нот, старина, – он проглотил несколько вдохов, чтобы овладеть голосом. – Спасибо, не забыл...

– Ты что, Сва? – голос Нота прервался. – Знай – ты не один. Что бы ни случилось, слышишь?

– ...

– Хочешь, сегодня увидимся? Приезжай ко мне! Или в городе встретимся? Не откладывая, а?

– Правда? – голос предательски плыл, вопреки всем усилиям.

– Знаешь, давай... через час смитингуемся. У Грибоедова, а?

Он не верил ни ушам, ни телефону. Сном показалась поездка в метро. Возникали, двигались мимо и пропадали редкие дневные пассажиры, беззвучно мелькали станции.

– Не забыл, позвал. Меня, никтожество...

Надо было во что бы то ни стало успокоиться. Постарать-

ся стать прежним, отринуть всю грязь. Как будто не было этих гадких недель, всей этой мерзости. Пусть было, но не с ним, а с тем, кого он сейчас упорно, отчаянно в себе душил. И сегодня додушит до конца. Нот поможет, сам того не подозревая.

Они внезапно обнялись при встрече, чего никогда раньше не делали. Но радостная улыбка Сва сразу застыла. Нот был печален, хотя и пытался это скрыть, он первым начал разговор, опустив беспомощные глаза:

– Сва, прости ещё раз, что я совсем пропал... У меня отец умер. За бугром, во время гастролей. Инфаркт. Скоро сорок дней... Ты не представляешь, как тяжело было. И сама смерть, и гроб в самолёте, и похороны. А теперь мама сдала, болеет. Несколько раз в церковь с нею ходил, отпевание было, потом панихиды. Потихоньку отходит, и я с нею.

Ссутулившись, он шагал рядом. Одного взгляда хватило, чтобы понять – Нот сам нуждается в нём, сам страдает, хотя без всякой вины. Сва положил руку ему на плечо, остановил, посмотрел в глаза и вдруг сказал, слегка краснея:

– Я начал Евангелие читать. Жалею, правда, что с первой страницы. Лучше бы с того места, где говорится, что Бог – это любовь. Тогда всё остальное стало бы понятнее и нужнее. Ладно... Держись, старик! Ты мне очень-очень дорог. Без тебя я бы...

– Оставь! О чём говоришь? – он отмахнулся, помедлил, блеснул глазами. – За тобой, за мной, над всеми нами –

огромные, неведомые силы. Добро сталкивается со злом, жизнь со смертью. И так ужасающе несётся время. Мой отец, хотя и крещён был, так и не успел выбрать между светом и тьмой. Жаль его, очень.

– А Лави что выбрала, ты знаешь? – помрачнел Сва.

– Для нас это тайна, – помолчали, идя рядом. – Она страдает запредельно. Очень больна, это ясно. Но чтобы сделать выбор, не здоровье нужно, а воля, хотя бы одна искренняя молитва.

Нот замолчал, задумался. Сва тоже затих, опустил голову и тут услышал:

– Спасибо, всё-таки, что приехал. Так рад тебя видеть! Я тоже с парадняком почти завязал. Один, по сути, остался, да ещё мама. И ты вот. Кстати, неважно, как ты Евангелие читаешь, хоть с конца, хоть с середины начинай. Главное, читать умом и сердцем, а между слов помещать свою жизнь, себя искать.

– Невероятно всё-таки, – Сва ворочался в постели, смотрел в тёмное окно и не мог заснуть. – Нот во мне нуждается... Слабость, сила – всё относительно. Человек непостижим. И Бог непостижим. Может быть, только в душе, может быть Бог... Бог может быть или не быть. Быть, как у Нота. Не быть, как у Лави. Хотя кто до конца её душу ведаёт? У меня в душе есть Бог или нет? Не знаю. Хочу, чтобы был. А Бог этого хочет? Он же свободнее меня, свободнее всех. Где Бог есть всегда? На небесах, подальше от людей и их муче-

ний? Или везде, включая земной ад и мою поганую душу? Или везде или нигде – вот в чём вопрос.

На следующий день они с Нотом встретились вновь, на прежнем месте, но с другими, чуть посветлевшими лицами. Долго, неторопливо шли по мартовской Москве. Кольцо бульваров было лучшим местом для самых заумных разговоров. В них забывалось всё, что обожгло и опустошило душу в последние недели, и даже мысли о Лави отступали. Рядом молчаливо шагал единственный друг, но и ему невозможно было рассказать о происшедшем. Краска стыда мгновенно вспыхивала на щеках, и сердце принималось испуганно биться в груди: «Мочалки, липучки безмозглые. Смесь серости и мутной голубизны в глазах. Как в этом вечно зимнем небе», – гнал он прочь мерзкие воспоминания, втягивал влажный, холодный воздух, медленно выдыхал и с облегчением смотрел вокруг. Заново вглядывался в простые, полные смысла вещи.

Слабое солнце сквозь туман светило на схваченную холодом, блёккую траву, чёрные тоскующие деревья и пустые аллеи. Воробьи комьями прошлогодних листьев стыли на ветках. Перед глазами чередовались размытые контуры домов, бульвар разворачивался через город огромной дзенской гравюрой. Это был рисунок срединного, истинного мира, а по сторонам проступала другая, ненужная реальность – фасады зданий, переулки между ними, пятна автомобилей, тени людей. Взгляд вслед за мыслью пересекал незримую грань ми-

ров, бытия и небытия. С каждым вздохом и выдохом рождались и умирали бесчисленные жизни, безвестные вселенные, а голос вспугнутой птицы звучал тысячелетие. Это был крик о непостижимости жизни – самый быстрый полёт и неподвижность равны и безразличны, если Путь проходит через тебя...

– Нот, ты говоришь, идея Дао есть во всех культурах, где шёл поиск истины? – возобновился разговор.

– Иначе быть не может. Только необязательно называть её по-китайски. Можно сказать «Дхарма», «Логос», «Путь». Это не просто слова, это великие символы. Почитай Гераклита, Платона, Евангелие от Иоанна. Они дополняют и объясняют древних китайцев.

– Ты о божественном Логосе?

– Да, к этому всё шло. В Евангелии... – он укоризненно глянул на Сва, помолчал, – есть одно откровение. Слова «Я есть Путь, Истина и Жизнь» дают высшее, духовное понимание иероглифа «дао». Но ты, как я понимаю, о даосизме понаслышке знаешь, самих текстов и в глаза не видел?

Сва кивнул и выразительно вздохнул.

– Для начала нужно бы прочесть Чжуанцзы, Лаоцзы, но сейчас всё по рукам ходит. Хотя... могу дать тебе перепечатку «Даодэцзина», есть даже лишний экземпляр. Это дохристианская классика – не меньше, чем античная философия. И что интересно, чем больше углубляешься в православие, тем понятнее становятся, именно в сравнении, пара-

доксы даосизма и мысли святых отцов. – Нот остановился и слегка улыбнулся, подняв палец: – Сильный звук неслышим, великий образ необозрим, великий квадрат не имеет углов... Есть, над чем задуматься. И смотри, как человеческая мысль идёт дальше: в христианстве бесконечное существует не само по себе, а соединяется с божественной сущью. Для Василия Великого, Бог подобен солнечному кругу без начала и конца, троичен словно солнце, его свет и тепло. А кто-то из западных мистиков, кажется, Николай Кузанский, написал: Бог – это круг, центр которого везде, а окружность нигде.

– Потрясающе. А по-твоему, одно другому не мешает, даосизм и христианство?

– Древние откровения так или иначе готовили человека к принятию высших истин. В истории религий это аксиома. Было, конечно, множество соблазнов, ловушек для мысли.

Сва не смог удержаться от нового вопроса, разговор затягивал всё сильнее:

– А как ты объяснишь всё, что появилось после христианства? Например, ислам?

– Думаю, в исламе произошло колоссальное упрощение и Ветхого и Нового заветов. Это вера в голую силу, для фанатичной толпы. Там Бог – карающий владыка.

– Но ведь мусульмане свободно эту веру избрали. Имели право.

– Далекое не всегда свободно. Многие были обращены

под угрозой истребления: христиане Азии, Африки, Балкан, Кавказа, почти вся Византия... А в христианстве самое ценное – наша свобода.

Верить от страха, слепо, рабски и бесчеловечно и, по сути, безбожно. Бог ждёт нашего вольного выбора – сердцем и умом. Так вот, насчёт ислама... Недавно я заинтересовался суфиями. В суфизме можно много чего найти, даже элементы христианства и буддизма. Если хочешь, в нём для меня вершина ислама.

– А в чём там суть?

– Я сам понять пытаюсь. Меня в суфизме поразила парадоксальность истины, почти как в даосизме. Сознание не может её вместить и потому страдает вместе с душой. Постигание абсолюта возможно только в высшем откровении. Познавший становится мудрецом и безумцем одновременно. Как я понял, суфии считают истину непостижимой, точнее, невыразимой. Это важное признание и честное. Ведь христианство – религия откровения, а не тайны. Здесь всё наоборот. Христос сходит на землю, а не ждёт, когда кто-то из людей воспарит до небес. А в суфизме на истину только намекают, создают в пустыне ума словесные миражи, поэтические образы, притчи.

– Поясни, неясно как-то.

– У них представления об истине воплощаются только в текстах, а не в иконах и мандалах, как у христиан или буддистов, и даже не в музыке. Суфии создают поразительные

образы, но осмыслять их должен читатель. Обычно, с помощью учителя, иначе нельзя, – Нот сбоку внимательно глянул на Сва.

– А суфийской музыки разве нет?

– Есть, но она примитивна, как рычаг. Тебя поддели ритмом, зацепили повторами, и ты летишь... Увы, нечего дать тебе послушать. Но, поверь, никакого сравнения с суфийскими поэтами. Там – тончайший восторг, даже в переводах чувствуется.

– Дашь почитать?

– Как раз сейчас у меня ничего не осталось, прости. Кое-что было, но приятелю отдал, а он, как обычно, возвращать не спешит. Как бы не заиграл.

– Жаль, – огорчился Сва, – Я бы сходу прочёл и вернул.

– Сходу не получится, это надолго. Но, постой... Есть идея! Могу познакомить тебя с одной парой, у них целая библиотека суфиев. Мы тут недавно познакомились, случайно, на концерте арабской музыки. Они оба задвинуты на суфийской мистике, на поэзии. К тому же, по их словам, вошли в систему, когда она только возникала. Если так, это настоящие олды, из первых в Москве. Правда, на хиппов мало похожи. Скажем, рок-музыка и Запад в целом им сугубо пополам, это уже не банально. Ну, и по прикиду, по хайру тоже отличаются. Если хочешь, ходим к ним в гости, познакомишься, а дальше, будем надеяться, и до их книжек дело дойдёт.

Сва хмыкнул и блеснул глазами – вопрос был явно лиш-
ний. Нот, в свою очередь, усмехнулся и, продолжая говорить,
начал рыться в растрёпанной телефонной книжке:

– Если честно, я их почти не знаю, на квартирниках у них
не бывал, только один раз заходил, чаю попить. Люди они
немного скрытные, но крайне интересные, особенно Лилиан.
То ли домушников, то ли гэбухи боятся. Понять можно, на-
собирали бездну всего – целый домашний музей. Да, ещё...
Судя по их прогонам, для особо избранных они какие-то су-
фийские ритуалы устраивают, хотя это смешно до предела, –
он остановился, глянул на Сва, поиграл в воздухе монеткой
и вошёл в телефонную будку. – Меня лично волнует лишь
одно: что суфии взяли от христианства и зачем? Хочется с
помощью этих олдов тему поймать, как музыканты говорят.

Через пару минут он с довольным видом сообщил:

– Нас ждут послезавтра вечером. Я тебе позвоню, дого-
воримся. А пока возьми вот это, дома послушаешь, – Нот
протянул Сва увесистый пакет с магнитофонными кассета-
ми. – Тут классика рока. Лучшие вещи лучших групп, копии
с дисков. Не спеши, приобщайся. Постепенно вернёшь, и я
другим послушать дам.

Через два дня они вышли на «Динамо», прошли через
парк, и Сва поразился совпадению: эти московские суфии
жили совсем близко от уже знакомого дома. Всю оставшу-
юся дорогу он думал о Лави, отвечал невпопад и время от
времени тягостно всматривался в потухающее небо.

– Где она сейчас? В неведомой генеральской квартире, или ещё в больнице? Одинаково недоступная и там и тут...

В душном комнатном воздухе незнакомого подъезда эти мысли рассеялись. Хлопнула дверца лифта, и его мечты устремились к таинственному Востоку.

Квартира олдов ничуть не была похожа на хипповый флэт, скорее, напоминала изрядно запущенную мастерскую художников. В прихожую, заставленную пыльными подрамниками и какой-то дачной рухлядью, Сва прошёл вслед за Нотом и вместо хозяев увидел большую белую персидскую кошку.

– Проходите, одевайте тапочки! Там, у входа, слева. Нот, захлопните, пожалуйста, дверь! – произнёс быстрый женский голос, и фигура в пурпурном халате устремилась вглубь по коридору. Сва замешкался на пороге, снимая обувь. Видимо, свет тут горел постоянно, освещая жёлто-серые разводы много раз протекшего потолка. Только в гостиной, обставленной по-восточному, он, наконец, услышал:

– Здравствуйте, меня зовут Лириан.

Хозяйка с чёрными гладкими волосами и блестящими карими глазами протянула худую руку, звякнув множеством массивных браслетов.

– Сва! Учится на филфаке, в московском универе, – представил его Нот.

– Чудесно. А вот и Нил, моя алхимическая половина, – загадочно представила она невысокого рыжего бородача. –

Николай Ильич, если хотите. У него сейчас срочный заказ в издательстве. Он потом придёт, чай с нами пить. Ты придёшь?

Хозяин с пронизательным взглядом крупных серых водянистых глаз, кивнул, мягко пожал руку Сва, поздоровался с Нотом и, прежде чем скрыться в соседней комнате, чему-то понимающе улыбнулся. Ему было далеко за сорок, ей, по виду, около тридцати.

Через пару минут вместо чая Лилиан поставила на низком столике у дивана маленький поднос с тремя пиалами и металлическим кувшинчиком, а сама села напротив, на устланное ковром кресло. Закурив, посмотрела на Сва, чуть задержала изучающий взгляд, но тут же опустила веки и улыбнулась, заметив его смущение:

– Нот говорил, вас интересует суфийская мистика? – начала она разговор, разливая густое красное вино.

Лилиан, видно, совсем не стеснялась своих случайно обнажившихся колен и бледного осунувшегося лица. Её глаза то и дело пронзительно вспыхивали, убеждая: «У меня нет возраста».

– Если честно, я суфиев не читал, только слышал о них. От Нота вот, – замялся Сва.

– Тогда, хотите, я вам для знакомства кое-что прочту? – неожиданно спросила она, отложила сигарету и сходу, по памяти, произнесла несколько звучных строк.

Неожиданные мысли и образы поразили, впечатались в

сознание: наш «пращур» – божественное вино, «а Адам был потом», «тело – наш виноградник, а дух наш – вино», опустошается плоть, и в её руинах рождается дух...

Лилиан помолчала, затянулась сигаретой и посмотрела на Сва:

– Это знаменитая «Винная касыда» великого суфия Омара ибн аль Фарида.

– Получается, что «в начале было вино», а не Слово, – иронично заметил Нот. – Похоже на мистику для хиппов, которые выпить не прочь.

– Отнюдь нет. Это поэзия для избранных, простакам не понять, – с нажимом произнесла она, вспыхнула и тут же сменила интонацию, опять устремив на Сва сияющие глаза. – Но стать избранным со временем можно, хотя и не всякому. Вначале этого нужно сильно захотеть... Увы, по-настоящему захотеть что-либо могут лишь единицы. Тем, кто искренне стремится к откровению, станут понятны тайные смыслы, зашифрованные в простых образах: вино, виноградная лоза, опьяняющий экстаз, любовь. В суфийской мистике, в поэзии это лишь обозначения вех на пути познания истины. Но для начала выпьем! Пусть это будет ваш первый суфийский жест.

Нот неохотно поднял пиалу. В какой-то миг Лилиан показала слегка пьяной – так странно примагничивал острый блеск её отливающих зеленью глаз.

– Хотите, прочту вам ещё кое-что? Моих любимых персидских суфиев? Они писали необычайно глубоко, красиво,

стремились, чтобы слово соединилось с душой читателя и властвовало над ней. И чтобы поэт полностью владел словом. Такой двойной властью суфии обладали в совершенстве. У персов вы, наверняка, это почувствуете. Вот как о мистической любви писал Саади...

Удивил незнакомый ритм, опять сверкнули и запомнились необычные мысли: лишь слёзы восторга открывают глаза для сокровенного, вино божественного безумия даёт свободу, странник идёт до изнеможения по пути любви и не может остановиться.

– Замечательно! – не удержался Сва.

Лилиан улыбнулась:

– Я рада. Но если бы вы знали, как Джами воспевает свою возлюбленную – истину и красоту в телесной оболочке! Можно навсегда забыть Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина и прочих гениев.

Она принялась по памяти, не сбиваясь, читать строфу за строфой. Но Сва почти не понимал слов – ловил на себе лёгкие уколы её зрачков и недоумённо цепенел.

– Прочти им лучше Руми, – послышался рядом голос Нила.

Оказалось, он тихо сидел рядом в кресле и покуривал трубку.

– Нет, это на память я не могу. Дай гостям домой почистить, из той подборки, помнишь? А я пойду чай готовить.

Нил кивнул и взглянул на бледные малахитовые разводы

старого потолка. Рядом с ним на диван вспрыгнула кошка и уставилась на Сва жёлтыми позолоченными глазами. Не глядя, Нил плеснул себе вина:

– Вы, наверное, слышали, в суфийской поэзии всё построено на метафоре, на символе с многозначным смыслом. Но в настоящей мистике истина открывается лишь тем, у кого сознание готово её воспринять. От неподготовленных она прочно скрыта. Как писал великий аль Фарид: «Солги глазам и ясность спрячь в туман – живую правду сохранит обман». Понимаете? Вы можете, конечно, прочесть этих поэтов. Сейчас я принесу вам перепечатки. Но учтите, древние не читали, а слушали поэзию. Это был, по сути, обряд посвящения. Ученики собирались в доме мудреца и поэта, иногда пили вино. Случалось, самым близким из них давали курящиеся ароматы с примесью особых трав, настойки или сладости с разными добавками. Сейчас всё это называют наркотиками и путают с тем грубым дурманом, который по совдепии разные чебуреки толкают. Конечно, тот, кто ищет дешёвого кайфа, легко ловится – ничего не находит, но теряет жизнь. И таких, поверьте, очень-очень много. Кстати, слово «кайф», точнее «кейф» или «кэф», арабское и означает состояние сонного блаженства – весьма далёкое от суфийского экстаза. Ну, да ладно... – он опять откинулся на спинку дивана и неспешно повернулся к Сва:

– Скажите, а почему вы заинтересовались суфиями? – глаза Нила с непонятной лаской разглядывали его.

– Я их почти не знаю. Слышал, что у них был особый путь к истине. Может быть, схожий с дзенским, с даосским? Хотелось бы узнать. Меня вообще интересуют разные религиозные откровения, высшая красота человеческой мысли.

– Да, конечно. Красота мысли, откровение – это не может не увлечь, если вы духовно развитой человек. – Нил улыбнулся. – А вы верите в Бога?

– Нет. То есть, да... – запнулся от неожиданности Сва. – Но я не верю в детского Бога, Бога для старушек. Как бы такого Бога ни называли – Аллах или Христос. Боги разные, а истина одна. Меня интересует истина, не из книжек вычитанная, а лично пережитая. Её я и называю Богом, – тут Сва смутился, поймав на себе взгляд Нота.

– Понятно, – доброжелательно кивнул Нил. – Вы непохожи на вашего друга. Он – православный христианин, выбрал свою традицию и преданно ей следует. А вам нужно непременно пережить истину в себе. Так ведь? Или за этим стоит экзистенциальный поиск обычной душевной веры, – он усмехнулся, – той, что нам строить и жить помогает?

– Истинная вера как раз и ведёт к истине, а не просто душу для подвигов тренирует, – вступил в разговор Нот, и Сва показалось, что они продолжают какой-то незаконченный спор.

Действительно, в тот же миг Нил нетерпеливо заметил:

– Об этом мы уже говорили... Скажите, вам имя Идрис Шах знакомо?

– Нет. А кто это? – вскинул брови Нот.

Нил задумался, мельком глянул на Сва и продолжил:

– Давайте о нём... в другой раз поговорим. Вы, помню, так и не ответили, как можно верить в высшую истину, которой вы не постигли, и может быть, никогда не постигнете, поскольку – допустим на миг – этой истины, как вы её понимаете, просто не существует?

– Могу ответить. Я думал над этим, – лицо Нота порозовело и потеряло обычное добродушие. – Говоря просто, церковная вера – это прямой способ познания истины. Наиболее древний и верный. Не туманной личной истины, моей или иного человека, а той, великой, что была до меня и после всех нас останется. Истину нужно искать вместе с другими людьми – соборно, как раньше говорили. Искать с помощью духовника, то есть учителя, наставника веры. И главное, нужно делать усилия, чтобы в этой истине жить, а не просто, лёжа на диване, созерцать высшие абсолюты.

– Но нельзя же придумывать себе истину, исходя из народной веры – взятой от толпы, пусть даже церковной толпы. Православие, как известно, говорит о непознаваемости Бога с помощью обычной, повседневной веры. Истина нисходит свыше на немногих избранных, она не может открыться всем сразу. Без божественного озарения любой ваш учитель – как костыль безногому, извините за грубоватое сравнение. Помните, как сказано в Евангелии: «Много званых, мало избранных»? Высшему откровению и сейчас не верят, как не

поверили Христу, пришедшему к людям.

– Кто-то не поверил, а кто-то поверил. Поверившие и стали первыми христианами. Откровение может быть дано ребёнку, неграмотному мужику и не дано царю или книжному мудрецу. Его получают от Бога лишь чистые сердцем... Но, извините, я не хотел бы продолжать этот разговор, – Нот недовольно насупился.

– Хорошо, мы закончим его вместе со Сва, – суховато согласился Нил и повернулся в его сторону. – Вы, молодой человек, как я понимаю, интересуетесь суфийской практикой, а не только мистикой.

В этот момент Лилиан внесла поднос с дымящимися чашками чая и блюдом восточных сладостей:

– О, я слышу мужские споры! – кокетливо оглядела она сидящих за столом. – Это прекрасно. Можно я к вам присоединюсь?

– Так вот, Сва, – Нил отхлебнул чай и бросил в рот несколько изюминок, – начальный порыв веры неотделим от воли и необходим, как условие пробуждения духа. Надо захотеть проснуться от сна жизни. Чтобы обрести истинную веру, или лучше сказать, волю к познанию истины, нужно пробудить сознание, прорвать его защитную, телесную оболочку и освободить наши, обыкновенно скрытые, чувства и способности. Для суфия тело – лишь инструмент души, а душа инструмент духа. Опыт их пробуждения и называется экстазом, который достигается поначалу в священных

танцах – радениях, по-арабски, «зикр». Кружение на месте или в хороводе, молитвенные возгласы, удары тамбуринов, ускоряющийся ритм мелодии, движений, действие некоторых снадобий – всё вместе разогревает тело и оно, наконец, отпускает душу ввысь. Тогда плоть падает словно бездыханная, а душа в полёте раскрывается навстречу духу и соединяется с абсолютom. Это озарение, или священное безумие, длится лишь миг, но миг поистине бесконечный... – Нил грустно улыбнулся и посмотрел на Сва. – Мы с Нотом об этом уже говорили, но он, как видно, не проникся. Так вот, выход из духовного экстаза, называемого «джазба», мучителен. Происходит погружение в сон прежней жизни, и душа суфия начинает смертельно тосковать, мечтать о новом восхождении. Некоторые не выдерживают падения в мир и навсегда становятся безумны... Вот совсем коротко и очень грубо – простите! – о суфийской практике озарения.

Объяснения Нила привели Сва в восхищение. Захлестнули новые, поразительные мысли. Именно это искал он в поэзии, музыке, религии, жизни, в самом себе – экстаз, озарение свыше! Суть возражений Нота так и осталась непонятной.

На прощанье Сва и Лилиан обменялись телефонами. Провожая друзей в прихожую, она легонько жала ему руку:

– Звоните, вы нам понравились, – её глаза пристально, без улыбки, блеснули и теперь, из-за тусклого освещения показались особенно загадочными.

К метро они с Нотом неслись почти бегом, чтобы успеть

до закрытия.

– Знаешь, я не знаток суфизма, но по-моему... Нил наговорил о нём немало чуши... А ещё больше о православии... – запальчиво выкрикивал Нот, едва поспевая за Сва.

– Не знаю... Мне было крайне интересно... Потрясающие люди! Спасибо за знакомство, – кричал он в ответ. – Я только не понял, про какую коллективную веру ты говорил? Я и ты в толпе старух... Объясни, чепуха полная!

– Пойми, вера не связана с интеллектом... Это как интуиция, это дар души! Она может быть у разбойников и отсутствовать у философов... Вера – это путь постижения божественного... понимаешь?

– Неплохо ты бандитов зачислил в православие. Вместе со старухами безмозглыми, – приостановился Сва. – А нам с тобой что тогда делать?

– Не такие они безмозглые, как ты думаешь. Походи в церковь, присмотришь! У этих старух дар веры – как дар самой жизни. А у наших поэтов и художников их, так называемый, творческий дар – шиза крутая, за редким исключением.

– Ну, ты загнул! Это от спешки. Ладно, Нот, дорогой, пока! Потом договорим. Как раз твой автобус! А я – на метро!

В ответ тот обиженно махнул рукой и заскочил на подножку:

– Звони!

– Обязательно! На днях!..

В метро и дома, уже засыпая, Сва восхищённо повторял

запавшую в сознание строчку Джами: «желанная... из вещества души твоё сложили тело». Вспоминал удивительный вечер, странные взгляды Лилиан, отмахивался от нелепых мыслей и без конца представлял себе Лави, её восторженные глаза, упоительную, нежную наготу. Как жаждал он её выздоровления! Теперь ничто не помешает их любви. Он представлял встречу с ней и ни о чём другом не хотел думать:

– Лави, я вылез из помойки. Покончено с миром уродов, я отмоюсь от грязи. Наша жизнь изменится. Я смогу тебя вылечить, оградить от любой боли – хотя бы с помощью суфиев, их поэзии. Познакомлю тебя с удивительными людьми. Ты забудешь весь свой мрак, увидишь, что истинная любовь, экстаз жизни – ещё впереди!

Уже около трёх месяцев, как Лави исчезла, и он ждал от неё вестей со дня на день. Сколько можно держать её в психушке? Наверняка, она уже вышла из крезы, а на свободе окончательно оживёт, они снова будут вместе, любовь сотворит чудо. Когда в один из вечеров раздался поздний неожиданный звонок, Сва с колотящимся сердцем бросился в прихожую прямо из постели. Но звонила не Лави, а Лилиан. Судя по голосу, она спешила:

– Сва, мы с Нилом забыли дать вам почитать обещанные стихи. Простите уж, заговорились тогда. Заходите к нам завтра, часа в четыре, не позже. Сможете?

– Спасибо, с радостью, но я не уверен, что Нот будет свободен.

– Я попробую с ним созвониться. Но вы всё равно приходите, даже один. Адрес наш помните? Если завтра не сможете, нам потом гораздо сложнее будет встретиться. У нас – работа, у вас – учёба.

– Да, вы правы, мне давно пора курсовую писать. Хорошо, я приду. Обязательно.

– Ну и отлично. До завтра.

Лилиан

Перед подъездом большого угрюмого дома на Масловке Сва почувствовал необъяснимое беспокойство, но когда Лилиан с улыбкой открыла дверь, все сомнения исчезли. На ней был лёгкий, затейливой выделки полосатый халат с рисунком цветов и птиц, жёлто-красная ткань переливалась при каждом движении. Голову увенчивал шёлковый красный платок, повязанный в виде тюрбана с перламутровой каплей чуть выше лба. Бусы, колье и многочисленные перстни на этот раз были тоже из перламутра.

– Вот стихи! Сразу кладите их к себе, чтобы не забыть, – вскользь коснувшись его руки, она сунула Сва папку и направилась вглубь квартиры. – Проходите в гостиную, будем чай пить. Нил придёт позже, у него опять срочные дела. А я сейчас вернусь. Немного подождите.

В квартире звучала тихая, далёкая, бесконечная мелодия...

Минут через десять Лилиан принесла и поставила на столик у дивана две пиалы с красноватым чаем, блюдечко с изюмом, курильницу, источавшую приторный дымок, потемневшую от времени медную сахарницу восточной работы и вазочку с пурпурной маленькой розой. Сва овладело тихое мление. Он заметил под полами халата красные шаровары и чуть загнутые кончики жёлтых кожаных туфель, одетых на босу ногу, скользнул взглядом по её опущенным глазам, подкрашенным ресницам и проникся к Лилиан внезапным обожанием. Сегодня она выглядела значительно моложе, чем в день знакомства, и в своём наряде напоминала красавца-юношу с персидской миниатюры. Глаза невольно проследили, как она мягко прошлёпала в угол комнаты, присела на корточки, выключила магнитофон и с улыбкой вернулась.

– Что это была за музыка? – Сва выпустил прощальную струйку дыма и погасил сигарету.

– Красиво? – прищурилась Лилиан. – Сначала был арабский ре-баб, а потом музыка испанских морисков. Вряд ли вы это слышали.

– Вы словно из восточной сказки явились, – не удержался Сва и понял, что краснеет.

– Вам нравится моя одежда? – довольно улыбнулась она и отвела глаза.

– Вопрос! Ни на ком никогда не видел ничего подобного.

– Очень рада. Надеюсь, вы от чая не откажетесь? Точнее, это не просто чай. Я специально для вас заварила самые ред-

кие травы, разные снадобья – с Памира, из Киргизии. Их невозможно найти в Москве, попробуйте!

Сва отхлебнул и зажмурился. Поразил глубокий горько-сладкий вкус со множеством неуловимых примесей и ароматов:

– О-о!– качнул головой. – Невероятно! Одновременно что-то жгуче-сладкое и необычайная свежесть. Я чая с такими примолота-ми и представить не мог.

Лириан сдержанно хмыкнула:

– Чай из магазина я бы вам не предложила.

– Да, восток – это восторг! – с пафосом воскликнул Сва и слегка смутился.

– Восток – восторг... Неплохо. Я рада, что вы способны тонко чувствовать, – Лириан задумчиво улыбнулась, помолчала. – Значит, у вас артистичная, восприимчивая натура. Тем важнее предупредить вас об опасности. Нил в прошлый раз говорил, что настоящее откровение постигается только в экстазе. Но если ваш дух неподготовлен, неукротим и слишком быстро стремится вместить бесконечное, он может повредить оболочку души и даже покалечить тело. Некоторые наделённые художественным даром люди глубоко страдают оттого, что их дух скован немощью души и потому не может достичь подлинных высот. Такие люди часто погибают раньше взлёта. Разные снадобья стократно усиливают духовную мощь даже у неподготовленного человека, кстати, это о них говорится в русских сказках о богатырях. Но! Но они во сто

крат быстрее, чем обыкновенное безумие, разрушают волю и психику – всю так необходимую мудрецу гармонию духа, души и тела. Увы, для многих из хиппов баловство с разной дурью стало началом движения в ад, – она многозначительно кивнула головой, подтверждая свои слова. – Нельзя идти в заколдованные подземелья без проводника. Так что слушайте внимательно... Восторг и означает по-русски «экстаз». В своих глубинах суфизм весь пронизан его энергиями. – Лилиан отхлебнула из пиалы и прикрыла веки. – Радения дервишей, их музыка, танцы, экстатические молитвы похожие на заклинания – это лишь некоторые пути, Нил вам уже рассказывал. Но есть и другие.

Её глаза, сияя незнакомым блеском и словно блуждая, встретились с глазами Сва:

– Допейте! И я вам скажу нечто важное.

– А можно с сахаром? – спросил он и снял крышку с сахарницы.

– Это не сахар, – улыбнулась Лилиан, – это так называемый «зелёный шербет», приготовленный немного иначе. Наверняка, вы о нём ничего не знаете. Но подождите, его надо пробовать после всего, отдельно и осторожно.

– Даже не слышал о таком, – мечтательно признался Сва, и в голове у него поплыли успокоительные мысли: «Нет, это не наркота.

Лилиан этим не занимается. Это какое-то древнее снадобье, как они с Нилом говорят. Всё пройдёт без следа, как

светлое, небесное опьянение, надо только постараться хоть что-нибудь запомнить. Повезло мне с олдами – встретить такую щедрость и такую культуру. Как хорошо, что я им понравился...»

– Пейте как можно медленнее, а я вам почитаю суфийские стихи, из моих самых любимых. Они часто звучат у меня в голове, сами собой, – опять опустив глаза, проговорила Лириан и начала читать по памяти, потом вынула из-под столешницы пачку машинописных страниц.

Сва недоумевал, как бумажные листки могли так плавно и покорно устремляться за её рукой, за голосом:

О, этот вечно пересохший рот,
Которому глотка недостает!
Я жажду жажды, хочет страсти страсть,
И лишь у смерти есть над смертью власть.

Подобных стихов Сва не слышал. Но слова то и дело пропадали в лёгком шуме и неясных грёзах:

..... о, дай
Войти в бескрайность, перейдя за край,
Где мертвый жив, а длящий жизнь – мертвец,
Где лишь начало то, что здесь конец.

Глядя на дымок, льющийся вверх из курильницы, он перестал ощущать себя. Лишь зачарованно следил за сизой вити-

еватой струйкой и пытался проникнуть в неуловимое, такое близкое откровение: «Тут целый потаённый мир – мир запахов. Так много сути в малом, так мало сути во многом. Души сторающих трав возносятся к потолку. Нельзя оторвать взгляда от пути ввысь. Их земная жизнь кончена, но осталось благоухание. Как блаженно кружится от него голова. Жизнь, любовь, смерть – всё слито воедино. Умирать на миг и опять возрождаться – это возможно для избранных...»

Мысли легко струились, стлались по комнате вместе с курящимся дымом, обволакивали стол, кресло и сидящую в нём Лилиан. И он сам будто парил в воздухе. Оставаясь на месте, тихо плыл к потолку.

– ...суфии учат понимать единство жизни и смерти, смысл любви и сокровенную суть вещей, – услышал Сва и посмотрел на Лилиан.

Она сидела рядом и протягивала ему медный сосуд с откинутой крышкой:

– Теперь попробуйте. Берите немного, но не глотайте, всё само тает во рту. Вот так! – она чуть высунула алый тонкий язык и проглотила ложечку маслянистой тёмно-зелёной массы. Сва сделал то же самое и почувствовал вкус только что выпитого чая, но неизмеримо более сильный.

– Берите ещё. Да, не стесняйтесь! Это всё для вас, для дорогих гостей, – ласково улыбалась Лилиан.

– Что-то невероятное по вкусу, – пролепетал Сва. – Похоже на... не знаю, как будто гвоздика чувствуется... анис. Не

могу понять.

От языка расходилась волна неведомых ощущений, поднималась в мозг, растекалась по телу. Сва немел, погружаясь в странные видения: «Я уже на востоке. Оказывается, так легко всё представить...»

Под потолком качнулась и двинулась в угол комнаты арабская лампа-фонарь из прорезной меди. Но тут же движение остановилось, он очнулся на прежнем месте, наткнулся на близкий острый профиль Лилиан.

– Что-то, простите, я немного устал. Сразу столько нового... – он смутился и, теряя силы, откинулся на спинку дивана. – Простите...

– Это иногда бывает. У тонких натур. Сейчас пройдёт. Выпейте, чтобы освежиться. Вот, розовой воды, – доносился до него то близкий, то далёкий голос.

Сва что-то глотнул – пахнуло запахом розы. Жидкость была густой, холодяще-сладкой. Он вдруг забыл, как здесь оказался и зачем сидит перед молодой прекрасной арабкой и слушает её странную речь. Ничуть не удивился, лишь обрадовался, когда она запела. Нежный голос струился в комнате, словно дымок курильницы. Горячий ветер пустыни пахнул в лицо, Сва легко взлетел над столиком и повис в воздухе.

– Как же это? Как же так? – слабо звучало внутри.

В этот миг гурия в маленьком тюрбане подошла, раскрыла халат, и Сва простонал от её наготы. Мягкие руки обняли его и опустили на песок. Арабка, чарующая,

немыслимо близкая, держала его невесомое тело, спасая от нарастающей сладостной боли. Ничего не понимая, он проникал вглубь бесчисленных поцелуев, в чашу густого, жгучего вина. Совсем близко, за сверкающей стеной, таилось откровение. Еще миг, ещё – невыносимое блаженство взорвалось в сердцевине плоти, заполнило до предела

.....

Он парил в восхитительной пустоте. Долго спускался, удивляясь и горюя. Женская тень мелькнула рядом и исчезла. «Зачем я здесь? – облачками проплывали мысли. – Неужели это я? Как оказался в этом тёмном мире?»

...Где-то вдалеке слышался звук шагов. Сва очнулся и зябко поёжился. Гостиная была в полумраке, из-за плохо зашторенного окна лился внутрь ледяной, ядовитый свет фонарей. Он попытался встать с дивана, пошатнулся, задел ногой столик, на котором уже ничего не было. Открылся освещённый дверной проём. В нём стоял Нил и смотрел с любопытством:

– Здравствуйте, здравствуйте! А я только что вернулся и заметил вас. Идёмте на кухню, будем ужинать.

– Спасибо, мне... не хочется, – через силу пролепетал Сва.

– У вас были видения? Нет-нет, ни о чём сейчас не говорите! Если есть силы, лучше возвращайтесь домой. Потом поговорим.

– Да, я пойду, – с трудом выдохнул он. – А где Лилиан?

– Она в магазин отошла, скоро вернётся. Вы её подождёте?

– Нет, пожалуй, – Сва начал догадываться, что произошло, будто сомнамбула двигался по комнатам и коридору к входной двери.

– Выход здесь, – Нил легонько потянул его в другую сторону, что-то надел на плечи, вывел на лестницу и открыл дверь лифта. – До встречи, Сва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.